

К Э Т Р И Н Р А Й А Н Х А Й Д

когда

ты был

старше

Спешите делать добро

Кэтрин Хайд

Когда ты был старше

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хайд К. Р.

Когда ты был старше / К. Р. Хайд — «Эксмо», 2012 — (Спешите
делать добро)

ISBN 978-5-04-096968-5

Рассел Аммиано опаздывал на работу, когда ему сообщили печальные новости из дома. Но этот неожиданный и тревожный телефонный звонок спас Расселу жизнь. Это случилось утром 11 сентября, тем самым утром, когда были разрушены башни-близнецы и одновременно – судьбы множества людей. Растерянный и ошеломленный, Рассел вынужден отправиться в ненавистный родной город, из которого уехал много лет назад и куда больше не хотел возвращаться. Однако именно там, в самом неожиданном месте, Рассел находит покой, поддержку и любовь. Жизнь начинает сиять новыми красками, пока однажды ночью не появляется новая угроза.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-096968-5

© Хайд К. Р., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая. Обрушение	6
Часть вторая. Сложный вопрос	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кэтрин Райан Хайд Когда ты был старше

Catherine Ryan Hyde
When You Were Older

© Мисюченко В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Папе и Монишке

Часть первая. Обрушение

15 сентября 2001 года

Спустя четыре дня после того, как обрушились башни, я проснулся утром и увидел высившегося над моей кроватью великана. Я был практически готов испустить весьма недостойный мужчины вопль, но он получился молчаливым. Завопить вслух так и не получилось. Но это было к лучшему. Иначе бы от моего крика этот великан, испугавшись, забрался бы под кровать.

Секунду-другую я соображал, кто это был. И, что еще хуже, где я был.

Потом, как и всякий раз, отрешаясь ото сна после 11 сентября (обычно от смутной дремы в чьей-нибудь машине), я мысленно пробежал весь перечень того, что теперь было утрачено и что навсегда переменилось.

С Нью-Йорком покончено, работа накрылась, мамы нет, все мои друзья-приятели исчезли вместе с башнями, все проделанные мною труды, чтобы навсегда отделаться от Канзаса, оставить его в прошлом, пошли прахом. Вновь я в Нигдебурге, как раз там, где клялся никогда больше не появляться. И я тут застрял.

Настоящий шторм, словно из ночного кошмара. По сути, потеряно практически все.

Я опять взглянул на щуплого великана, оказавшегося всего лишь моим братом Беном. Не то чтобы я не ожидал увидеть его, но... накануне ночью я заявился поздно (ну, поздно – это по нормам Бена), а он уже улегся спать.

Он по-прежнему ни на кого не смотрит. Но это ничего не значит. Это как тот старый трюк, используемый во время делового общения, когда ты смотришь не прямо в глаза собеседнику, а в точку между его бровями. Бен работает по-крупному: отворачивает голову и смотрит в сторону под углом в сорок пять градусов, потупив глаза в пол.

Ага, вот и опять. Кое-что так и не изменилось.

– Приветствую, дружище, – сказал я.

– Ты должен отвезти меня на работу. Тебе надо вставать.

Вот такими были первые слова, которыми я обменялся с моим братом Беном после шести лет разлуки.

Я сидел в постели в одних трусах, сонно моргая. Не выспался ничуть. Даже ни неполглаза. Под веки будто попал песок, желудок скрутило.

– У тебя есть машина? – спросил Бен.

Было видно, что он нервничает из-за поездки.

– У меня нет.

– Тогда как же ты отвезешь меня на работу?

– Миссис Джесперс сказала, что мне пора начать пользоваться маминной машиной.

– А-а.

– Только она не знала, где мама хранила ключи. Ты не в курсе?

– Ага, – произнес Бен. – В курсе.

– Мне скажешь?

– Ага.

– Сейчас? Или плюс-минус сейчас?

– Она вешала их на крючок у входной двери.

– Годится, – кивнул я. – Прогресс, – я не произнес: «Наконец-то». – Значит... послушай... ты знаешь, кто я такой?

– Ну да, – произнес Бен.

– Значит, ты помнишь меня?

– Ну да.

– Так кто я?
– Мой брат.
– Верно. Годится. Помнишь, как меня зовут?
– Ага.
– Почему же не зовешь по имени?
– Ты не сказал, что я должен. Только – помню ли я.
– Вообще-то я имел в виду, почему бы тебе не звать? То есть как насчет того, чтобы обращаться ко мне по имени?

– Расти.

Это старое прозвище, из давнего прошлого, полоснуло меня, словно зазубренный металл. Зазубренный и, ну да... ржавый¹.

– Теперь меня зовут Расселом.

– Почему?

– Потому что я совсем взрослый.

– Я должен попасть на работу. Должен быть там без четверти семь. Мне нельзя опаздывать. Мистеру Маккаскину не понравится, если я опоздаю.

– Наверняка. Прекрасно. Тогда давай отвезем тебя на работу. Ты поел?

– Ага.

– Что ты ел?

– Я ел хлопья.

– Ты давно уже на ногах?

– Я встал в пять.

– Я не слышал будильника.

– У меня нет будильника. Мне не нужен будильник. Просто каждое утро я встаю в пять.

– Ты что не садишься? – спросил я, немного повышая голос, так чтобы ему было слышно, но все же приглушенно, чтобы не беспокоить соседей.

Старый «Бьюик» нашей мамы работал на холостых, разогреваясь. Я чувствовал, как он трясется подо мной. Мотор ворчал. Я открыл дверцу со стороны водителя, высунулся наружу, чтобы поговорить с Беном, тот стоял у открытой гаражной двери, но не заходил внутрь.

– Эта дверь сама по себе не закрывается, – сказал Бен. Громко, ничуть не заботясь о спавших соседях. И нетерпеливо. Будто я уже должен был это знать. Словно все в мире должны быть настолько осведомлены, насколько это представлялось Бену. – Я жду здесь, у гаражной двери, пока мама выведет машину. Потом я закрываю дверь. И только потом сажусь.

Вздыхнув, я осторожно вывел задом машину из гаража. Уже сколько лет не сидел за рулем. По сути, у меня и годных прав-то не было. Но вряд ли сейчас было подходящее время, чтобы разбираться со всем этим.

Бен запрыгнул на пассажирское сиденье и пристегнулся. Я опять поставил мамин «Бьюик» на задний ход.

– Тебе нельзя съезжать с дорожки, – заявил он. Не успел я спросить, почему, как он объяснил: – Тебе нельзя съезжать с дорожки, пока ты не пристегнулся ремнем.

Я кивнул пару раз и накинул ремень. Это был самый быстрый и самый легкий способ покончить с этим вопросом.

Пока мы ехали, я поглядывал на Бена. Пытаясь осознать перемены за минувшие шесть лет. Только, насколько я мог разглядеть, он просто выглядел теперь постарше. Ростом выше шести футов и шести дюймов, что, конечно же, как я и ожидал, не изменилось. По-прежнему долговязый, тощий и длинный, с разболтанностью в суставах, как у самого чудного на

---

¹ Сокращенный вариант имени Расти в английском языке созвучен со словами ржавчина, ржавый.

свете молодого конька. Впрочем, сам Бен молодым уже не выглядел. Каштановые волосы стали длиннее, еще больше лохматились. Наверное, просто от нехватки ухода, однако это выглядело нарочитым. Походило на стиль человека, который ходит с такой прической, чтобы казаться беспечным и крутым. Девушки и молодые женщины обыкновенно находили Бена абсолютно неотразимым. Особенно когда он молчал и стоял спокойно. Они считали его загадочным. Восхитительно сдержанным. До тех пор, пока он не начинал говорить. Тогда они спешно бежали заниматься каким-нибудь важным делом, о котором лишь ненадолго позабыли.

- Поверни здесь, – произнес Бен.
- Ты ничего не забыл?
- Нет.
- А я думаю, что да.
- Что же тогда?
- Показать, куда я должен повернуть.
- Туда, – сказал он, указывая направо.

Любая улица, любое здание, мимо которых мы проезжали, являлись прямо из моего худшего и безумно часто повторяющегося ночного кошмара: вдруг просыпаюсь и оказываюсь опять в этом ненормально крохотном городишке, к которому был привязан все первые восемнадцать лет своей жизни. Так что я уже переживал подобное. Будто дурной сон. Так было легче и не очень расстраивало по сравнению с тем, если все вокруг принимать за настоящую действительность.

Голос Бена вывел меня из забытья.

- Ты хочешь узнать... что?
- Что?

– Ты хочешь узнать... что-нибудь?

– А-а. Такого рода «что». Ладно. Расскажи мне что-нибудь.

– В таком большом городе. Стоят такие большие здания. А кто-то летит в самолете.

Прямо в них. Два самолета, я имею в виду. И они сгорают. Здания, а не самолеты. Н-да, оба.

– Я знаю, брат. Я был там.

– Ты был? Ты же не сгорел.

– Я был настолько близко, чтобы увидеть все, но не так близко, чтобы сгореть.

– А-а, – протянул Бен. – Ты хочешь узнать... что-нибудь еще?

– Обязательно, – ответил я, хотя это было не вполне правдиво.

– Куда ты уезжал, братишка?

Я с трудом сделал долгий вдох, потом медленно дал воздуху выйти обратно. Понимал: рано или поздно у Бена появятся вопросы. Но, честно говоря, думал, что первый будет о маме.

– Я уезжал в колледж. Ты знаешь об этом.

– А-а. А ты уже... как это называется? Когда заканчиваешь? Школу.

– Ага. А ты?

– Я закончил.

– Когда успел?

– Года два назад.

– А-а.

Квартал-другой мы проехали в неловком молчании.

– Потом я отправился в Нью-Йорк.

– Нью-Йорк! Это же название того большого города, где здания...

– Точно, брат. Я знаю.

– Ты хочешь узнать еще что-нибудь? – он не стал дожидаться, когда я отвечу, хочу или нет. – Я много знаю про раскладку бакалейных товаров в пакеты. Это не так просто, как кажется. Тут многое надо знать. Нельзя ставить слишком много стеклянных бутылок и банок

вместе, а то они ударятся друг о дружку и разобьются. И ни в коем случае нельзя класть яйца в самый низ. И ни в коем случае – хлеб в самый низ. Можно вниз кое-что из фруктов положить, если они твердые, вроде кокоса, но нельзя, если мягкие, как персики. И все должно ровно расположиться, иначе людям будет трудно нести. И нельзя, чтоб было слишком тяжело и у пакета рвалось дно. Я готов спорить, что ты не знал, что для этого так много нужно знать.

– Наверно, не знал, – согласился я и вдруг почему-то подумал, что готов убить за сигарету. Больше четырех лет не курил. Смотрел, как рушились башни, и ни разу даже не подумал закурить.

– Спорим, я знаю об этом больше, чем ты.

Было непонятно, с обидой он это высказал или с гордостью. Или с тем и другим вместе.

– Определенно ты больше.

– Спорим, ты не думал, что есть что-то, что я знаю лучше тебя.

– Когда-то ты все знал лучше меня.

– Разве? Я этого не помню.

– Ну да, было дело.

– Но я этого не помню. Это там. Прямо там. Герсонов рынок. Прямо там, на углу.

Я заехал на парковку. Остановился. Подождал, пока Бен выйдет. Но он, похоже, больше не торопился. Я глянул на часы. У него оставалось еще целых три минуты. Бен отстегнул ремень, но больше не двинулся с места.

– Эй, братишка, – сказал он. – Хочешь кое-что узнать?

– Обязательно, – но я понимал, что мне это совсем не понравится.

– Когда мама вернется?

Легкие сами собой заполнились воздухом. Обычно такого не случалось. Но сейчас эта их способность меня удивила. Неужто нам и вправду нужно заниматься этим перед началом его рабочего дня?

– У нее не получится.

Бен покачал головой:

– Она всегда возвращается.

– И сейчас бы вернулась. Если бы могла. Только она не может.

– Ты говоришь как-то не так. Ты не знаешь маму, как я ее знаю. Она всегда возвращается.

Я хотел только узнать, когда.

Он выпрыгнул из машины и хлопнул дверцей.

Я смотрел, как он, идя к двери, перебирал длинными худыми ногами, будто они принадлежали кому-то совершенно другому.

До того как я уехал в колледж, у меня была куча времени, чтобы насмотреться на эту походку, но меня по-прежнему удивляло то, как он вышагивал на своих двоих. До того выдержанно, что становилось страшно. Девушек и неприятности притягивал к себе словно магнит. Тогда-то девчонки вовсе и не спешили прочь.

Внутри рынок был освещен лишь наполовину. Явно еще не открыт. Бен постучал в автоматически раздвигающуюся дверь, и через некоторое время пришла женщина, отперла ее ключом и рукой сдвинула в сторону. Ровно настолько, чтоб Бен протиснулся внутрь.

И я подумал: *«Это мой старший брат. Что тут поделаешь?»*

Я неспешно ехал обратно к маминому дому... до сих пор категорически отказываюсь называть это место домом... и заметил свет в окне небольшой пекарни на углу. Трудно сказать, было заведение открыто или нет.

Пекарня новая. Во всяком случае ей было меньше шести лет. Очень четко помню, что на этом углу когда-то размещалась химчистка.

Я подъехал и припарковался у входа. Было странно видеть улицу настолько пустой почти в семь утра. Будто в каком-то фантастическом фильме вдруг выясняется, что ты единственный, кто остался в живых. Что стряслось с представлением о том, что канзасцы встают рано? Куча рабочих смен здесь начиналась в семь утра, а не в девять, как в больших городах. А вот сейчас если жители и проснулись, то почему-то попрятались.

Я прочел название заведения, тщательно выписанное на одной из витрин: «*ВЫПЕЧКА ОТ НАЗИРА*».

Вот и думай после этого, что здесь ничего не меняется.

Дверь была не заперта, и я просунул в нее голову.

– Вы открыты?

Увидел, как в мягко освещенном пространстве кухни за стойкой появилась головка молодой женщины. Волосы черные, как смоль, стянуты сзади, но не покрыты сеткой или пекарской шапочкой. Глаза у девушки были больше черными, нежели темно-кариими, если только это не было игрой освещения. Короткие рукава белой футболки были закатаны почти до плеч. Сама незнакомка была маленькой. Тоненькой и маленькой.

– Не совсем, – отозвалась она. В речи прозвучал акцент, но какой, я не смог определить. – Мы открываемся в семь. Но... что вам угодно? Булочки еще в духовке, зато пончики готовы. Вы просто кофе с пончиком хотите?

Мне вдруг кофе с пончиком захотелось больше, чем ребенком хотелось вырваться из этого города. Больше, чем захотелось сигарету, пока я болтал с Беном. Сколько уже дней прошло, когда я в последний раз роскошествовал по-маленькому или вообще ощущал хоть какое-то удовольствие. Кофе с пончиком вдруг поманили, как земля обетованная. Сойду с ума, если не доберусь до них.

Хотелось сказать: «Вы и не представляете, как сильно хочу». Но не хотелось, чтобы она посчитала меня каким-то чудиком. И произнес:

– Было бы здорово.

Я закрыл за собой дверь и подошел к стойке. Лотки в витрине еще не были заполнены пончиками. Они все лежали на полках в глубине, рядом с девушкой.

– Вы что хотите? – спросила она. – У нас есть глазированные, хворост, с сахарной пудрой, плюшки с корицей... с повидлом пока нет. Не было времени начинить.

Меня вновь поразил ее акцент, но – на слух – незнакомый.

– А какие вкусные? – поинтересовался я, чувствуя себя таким же хорошим собеседником, как и мой брат Бен.

– Вкусные все. Но глазированные еще теплые. Есть что-то особенное в пончиках, когда ешь их горячими.

– Тогда глазированный.

Она вытянула из коробки небольшую разовую салфетку и, пользуясь ею, взяла пончик, не касаясь теста пальцами. Положила его на маленькую бумажную тарелку, оставив обернутым по бокам в салфетку.

– Налейте кофе сами. Ой. Хотите, чтобы я добавила сахар или молоко?

– Нет. И так прекрасно. Просто черный. Спасибо. Сколько я вам должен?

– Я кассу еще не открывала. Заплатите, когда будете уходить.

Вообще-то я собирался взять кофе и пончик с собой. Но, раз уж заплатить за них до семи было нельзя, то сел.

Отхлебнул кофе. Он был темный и крепкий, сваренный из каких-то импортных зерен отличного качества. Уж точно не тот кофе на заправках, на котором я сидел уже много дней. Я откусил от глазированного пончика, и глаза мои буквально рванули куда-то обратно в голову, закатились – такой он был вкусный.

Я поднял взгляд на девушку и увидел, что она пристально следит за мной.

- Вы сотворили волшебство, – произнес я.
- Просто они свежее тех, к каким вы привыкли.

Потом минуту-другую я сидел молча, глядя в окно. Мимо прокатили несколько машин, но дорога оставалась практически пустой. Я пил и обжирался, словно еда и напиток были спасательным тросом. Поглощал их, как умирающий, который думает, что, может быть, хотя и едва ли, еще сумеет спастись.

А потом – предсказуемо – кофе с пончиком кончились. Мне хотелось добавки.

Я встал и налил новую порцию кофе.

– Еще один? – спросила она. – Похоже, вы голодны.

– Было бы здорово.

– Как раз сочник пора вынимать.

Я смотрел, как она надела рукавицу и выдвинула из духовки противень. Поставила его на деревянный стол и запустила лопаточку под самый большой, самый прелестный сочник. Я подал ей свою бумажную тарелку: что попусту их тратить-то? – и она положила на нее сочник.

– Осторожней, – предупредила. – Горячий.

Я уселся обратно, следя, как она раскатывает большой кусок теста, а потом режет его быстрыми движениями ножа на кусочки, назначения которых я не понимал.

Я прикидывал про себя, моложе ли она меня... и если так, то насколько... когда она заговорила:

– Вы новенький в городе, – произнесла с акцентом, который я по-прежнему не мог разгадать.

– Да нет, я в городе старожил. Родился здесь. Уехал в колледж шесть лет назад и уже не возвращался.

– До сегодняшнего дня, – сказала она, отрываясь от работы.

– Да, до сегодняшнего дня.

Я не собирался говорить еще что-либо, если не спросят.

– А почему сейчас? – спросила она минуту спустя.

– Моя мать умерла.

– Ой. Простите. Мне незачем было спрашивать.

– Что вы, все нормально. Я вот дал себе слово покончить с этим городком навсегда. И начал новую жизнь. А теперь вдруг эта новая жизнь исчезла, а я вновь застрял здесь.

– Почему застряли? Почему вам нельзя снова уехать после того, как отдадите дань матери?

– Потому, что кто-то должен заботиться о моем брате. А никто другой за это братья не хочет.

– Он намного младше, ваш брат?

– Да нет. Он старше, по факту. По-моему, ему только что перевалило за тридцать. Если ничего не упустил. Нет. Не упустил. Он старше на шесть лет. Значит, только перевалило за тридцать. В прошлом месяце.

А я только и сообразил, что послать ему открытку за два доллара.

– Если он старше, тогда... Ой! – вдруг воскликнула она. – Я знаю, кто вы. Вы брат Бена. Маленькие городишки. Как их не любить.

– Вы знаете Бена?

– Конечно, все знают Бена. Упаковщик. Там, на рынке. Он очень милый. Всем нравится. Я слышала о его маме. Вашей маме. Очень печально. Она была такая молодая. Сочувствую вашей утрате.

Я понятия не имел, что сказать. Вот и промолчал. Смотрел, как она противень за противнем раскладывает пончики в витринные лотки. Но, когда она закончила, решил, что, по всей видимости, пончиков маловато. Не хватает для процветающей пекарни в субботнее утро.

Опять же, судя по количеству покупателей при открытии (а к тому времени уже пошла минута-другая восьмого), вряд ли эта пекарня процветала.

– Вы не похожи на Бена, – произнесла она, не отрываясь от работы. – Он такой высокий.

А вы...

– Мелюзга?

– Я собиралась сказать: коренастый.

– Мы братья лишь наполовину. У нас разные отцы.

Она, опершись руками о прозрачное стекло стойки, глянула мне прямо в глаза. Я отвернулся. До сих пор точно не скажу почему.

– Я слышала слухи про брата Бена, но, может быть, это всего лишь пересуды маленького городка, и, может быть, даже неправда.

– Все возможно, – сказал я. – А вы что слышали?

– Что вы работали на сто пятом этаже одной из башен Всемирного торгового центра, вот я и думала, что брата Бена, наверное, нет в живых.

– Ну, последнее не подходит.

– Остальное правда?

– Нет. Я работал на сто четвертом этаже.

– Seriously?

– В наше время такими вещами не шутят.

– Значит, вас не было на работе, когда это случилось.

– Попытался быть, – на минуту я замер, прикидывая, скольким из этого я на самом деле готов поделиться. Выверял, будто мерил уровень бензина в баке древним ручным шупом. – Спешил как можно быстрее выскочить за дверь. А потом зазвонил телефон. А я опаздывал. Так что я почти и не успел. Почти махнул рукой. А потом почему-то успел. Взял трубку. Оказался мой старый сосед, дома рядом стояли. Рассказал про маму. Сказал, что Бен у него и он не желает терпеть это больше. Вот я и позвонил на работу и стал заказывать билет на ближайший самолет. Конечно же, все рейсы были отложены еще до того, как кончилось утро.

Я тщательно избегал смотреть на девушку, пока рассказывал. Глядел вниз, на свой сочник, трогал его. Он уже остыл до вполне съедобной температуры. Я покончил с ним в шесть приемов. Сочник был потрясающим.

Когда я закончил и поднял взгляд, девушка все еще опиралась на стойку, глядя на меня.

– Значит, ваша мама спасла вам жизнь, – выговорила она.

– Сама того не желая. Но – да.

– Откуда вам известно, что не желая?

– Она не могла знать.

– Откуда вам известно, что люди могут знать? Люди способны делать самые невероятные вещи, если это невероятно важно. Если матери под силу поднять автомобиль, чтобы высвободить из-под него ребенка, может, ей под силу и умереть точно в нужное время, чтобы спасти свое дитя.

Мне не нравились разговоры о маме. Если говорить иными, более вежливыми словами, за последние четыре дня я так и не сумел ни с чем смириться. Я прочно застрял на самом первом этапе: отрицании. Ее смерть все еще была сном для меня. Дурным сном. Но тем не менее – сном.

– Вы и вправду считаете, что такое возможно? – спросил я и махом допил остатки кофе.

Девушка вышла из-за стойки, и на какой-то жуткий миг мне показалось, что она направляется прямо ко мне. Что она, может быть, коснется меня, постарается утешить. То самое невыносимое сочувствие. Вместо этого она зажгла свет над закутком со столиками. Я поморщился и прикрыл глаза рукой.

– Извините, – сказала она. – Тут не угадаешь. В нашем мире никогда не угадаешь, что возможно. Вот я и считаю: не говори, что такое возможно, потому как не знаешь на самом деле. Также и наоборот: не говори, что это невозможно. Потому что и этого тебе тоже знать не дано.

Неожиданно я не смог уйти оттуда так быстро, как хотелось.

– Что я вам должен за все за это?

– За счет заведения, – бросила она, возвращаясь обратно к себе за стойку.

– Серьезно? С чего это?

– С того, что ваша мама только умерла и вы приехали домой из самого Нью-Йорка, чтобы заботиться о своем брате, Бене. А значит, самое меньшее, что можно для вас сделать, это напоить кофе и дать чего-нибудь поесть.

Я поблагодарил ее и побежал. Или почти побежал. Гадая, понимает ли она, так же как и я, откуда у меня взялась такая отчаянная необходимость уйти.

Я оглянулся и увидел, что она смотрит на меня в окно. Провожает взглядом.

Я снова прочел название пекарни. *От Назира*. Имя и акцент сложились вместе у меня в голове. Вот и ответ на вопрос. Объяснение, почему, кроме меня, никто не зашел в то утро выпить кофе с пончиком.

Я снова просунул голову в дверь. Спросил:

– Вы откуда?

– Из Уичито.

– Я спросил, откуда вы родом. Не то чтобы меня это заботило.

– Заботит же.

– Только не в плохом смысле, правда.

Она отвела взгляд, снова потупив его в стол, и произнесла:

– Из Египта. Мы египтяне. Натурализованные. Мы не террористы.

Я не спрашивал, кто еще составлял «мы».

– Простите. Я на самом деле не намеревался совать нос в ваши дела.

– А чем вы там занимались?

Это было уже слишком не по теме. Поэтому я ничего не понял.

– Чем я где занимался?

– На сто четвертом этаже Всемирного торгового центра.

– А-а. Вы об этом. Рекламой. «Хэтчер, Свифт и Даллер». Это рекламное агентство. Или... полагаю, это было рекламным агентством. Приличным. Мне повезло в нем работать.

– Молоды вы для рекламщика в Нью-Йорке.

– Поэтому-то и повезло.

Я ехал к дому... обратно... думая о том, что в Нью-Йорке люди уловили бы разницу между террористом и натурализованным египтянином. И, может, даже озаботились бы этим. Но здесь не Нью-Йорк.

По моим прикидкам, у «Выпечки от Назира» трудности с притоком наличных длились... ага, около четырех дней. Если только их не было с самого начала.

Когда я пришел в себя, то оказалось, что я лежу, свернувшись калачиком, на ковре посреди гостиной. Буквально. Не помню, как туда попал. Просто увидел, что я там. Просто пришел в сознание на ковре в позе эмбриона. Вряд ли я упал, потому что никаких ушибов не было. По-моему, я заполз туда. Но в памяти – ничего.

Меня трясло, я вспотел и, зарывшись лицом в собственные колени, вдруг завопил так, что заболело горло. Вышел дикий вопль, от которого натянулась каждая мышца в моем теле.

Считайте это запоздалой реакцией.

14 сентября 2001 года

Прошло три дня после того, как рухнули башни, и я уже целый час пробирался то пешком, то на попутках. То есть с того момента, как меня высадили последний раз. А не вообще. Потому что я передвигался большую часть из этих трех дней автостопом.

Три дня назад, когда я был ближе к Нью-Йорку, мой большой палец и меня самого приветствовали как гражданского, выжившего в почетной и священной войне. Только теперь я был уже очень далеко от Нью-Йорка. Вообще-то, мне оставалось пройти всего миль пять. К тому же было около девяти вечера и темно. Людям с наступлением сумерек не по душе подбирать на дороге голосующих мужского пола. Ночная тьма не позволяет водителю сначала хорошенько рассмотреть пассажиров.

Машина больше походила на «Джип» или «Лендровер», очень старая и нескладная. Я обернулся, когда слышал позади двигатель с плохим глушителем, и выставил большой палец. Свет фар почти ослеплял. Я прищурился и смотрел, как машина с ревом пролетела мимо, даже не снижая скорости. Потом, долю секунды спустя, взвизгнули тормоза и чудовище, немного проскользнув, встало. Пока я прикидывал, к чему бы это, водитель дал задний ход и подкатил туда, где стоял я.

Я ждал, пока он наклонится и старомодно, вручную, опустит не знающее о современных технологиях стекло.

– Расти?

– А-а, – произнес я. – Это ты, Ларри.

Ларри Дель Веккио был одним из парней, с которыми я ходил в школу. Возможно, это может показаться чудесным совпадением. Только в городке с населением в 2250 человек это не так уж и поразительно.

– Меня теперь называют Расселом, – сказал я. Хотя это не имело совершенно никакого значения в тот момент.

– Извини за дальний свет. Пришлось включить, потому что на ближнем одна фара полетела. Залезай, дружище. Ты ведь домой направляешься, верно?

– Я иду... ну да. К... дому. К дому моей мамы. Ты знаешь.

Я отказывался называть это место домом.

– Залезай.

Забираясь в машину, перебрасывая свой громадный рюкзак за пассажирское сиденье, я наблюдал за собой словно со стороны. Недосып сказывался очень сильно.

– По-настоящему скорблю о твоей маме, – сказал Ларри, выводя на полном газу громадного зверя на маленькое шоссе.

– Спасибо.

– Так неожиданно.

– Да уж.

– Она была такой молодой. Или по крайней мере казалась довольно молодой.

– Ей было пятьдесят четыре.

– Это немного. В том смысле, чтобы умирать.

– Согласен.

Ларри вытащил из кармана рубашки пачку «Мальборо» и, шелкнув, вдавил прикуриватель в панель. По-моему, он старался выглядеть занятым. Словно беседа со мной совсем не вписывалась в его планы на вечер.

– Мы с Винсом заезжали и видели Бена, – сказал он, заходя еще на одну попытку.

– Мило с вашей стороны. Каким он вам показался?

– Не знаю. Таким же.

– Он хотя бы понял? Про нашу маму?

– По Бену трудно судить. Если понял, то мы этого не заметили. Вот, слушай. Ты ведь в Нью-Йорке был, верно? Я слышал про Нью-Йорк. Слышал, ты работал в одной из башен Всемирного торгцентра, но, полагаю, это все испорченный телефон маленького городка.

– Да нет, это правда. В прошедшем времени, впрочем. Я работал в башнях. Никто в них теперь не работает, кроме криминалистов и пожарных. Но все зависит, какой смысл ты вкладываешь в слово «в».

– Верно. Это мне известно. Так... где ты был? Когда все случилось?

– Дома. Я немного задержался, выходя из дома.

– Оп-па. Значит, ты бы не попал...

– Да нет. Я бы попал. Но, так получилось, что не попал.

– Так, ты услышал это, или телик включил, или?..

– Я живу через реку прямо напротив нижнего Манхэттена. Прекрасная панорама.

– Так ты все видел?

Я не ответил. Дело не в осознанном решении, скорее – в отсутствии эмоционального горячего. Вместо этого я следил за тем, как Ларри прижал прикуриватель к концу сигареты, потом попыхал, пока она не раскурилась. Приоткрыл чуть-чуть окно, чтобы вытягивало дым.

– Что чувствовал? – спросил он.

И я подумал: «Вот хрень. Я что, оказался на кушетке психотерапевта?» А потом: «А тебе и впрямь нужен ответ? Типа, ты считаешь, вдруг я скажу что-то крутое? Что я все видел и чувствовал себя отлично?»

Но я понимал, что во мне говорит изнеможение, и на самом деле особой вины Ларри здесь нет. Вот я и вообще ничего не сказал.

Ларри глубоко затянулся сигаретой, зажатой меж двух пальцев.

– Господи, – произнес он. – Вот уж точно, было на что посмотреть.

– Послушай. Извини. Я, честное слово, устал. Столько дней без сна. То есть, может, урывал часок-другой, но не больше. Все это время я провел в дороге. Мы еще соберемся. Наверстаем. Мне просто нужно поспать пару ночей.

– Придется поторопиться, коли так. Я отбываю.

– В...

– Пока не знаю. Посмотрим. Я в национальной гвардии. Шесть лет уже как гвардеец, дружище. Почти столько же, сколько тебя не было. Шесть лет наготове. Нас трое из Ниебурга: я, Пол Кейджер и Винс Бак. Ты же их помнишь, да? Три нацгвардейца. Мы отправляемся первыми. Поначалу, думаю, посадят охранять кое-какие ключевые цели в США. Но, если придется идти на войну, гвардейцы всегда первые. Ты же понимаешь, Афганистан. Надеюсь, что так и будет. Хотелось бы показать им последствие того, что они заварили.

– Звучит бессмысленно, – заметил я.

Я не имел в виду то, что касалось охраны. А то, что ему хотелось им показать. На деле-то я вообще не собирался этого произносить. Ничего из этого. Считал, что я только раздумывал про себя. А потом услышал все собственными ушами.

– Что? – спросил Ларри. – Что ты сказал, дружище?

По тому, как он это произнес, стало ясно, что он прекрасно меня расслышал.

– Вот хрень, Ларри. Слушай, извини. Пойми, я сейчас как капризный ходячий больной: сам не знаю, что несу.

Долгое молчание. Потом я почувствовал, как его рука хлопает меня по плечу.

– Да ну, ладно. Смотри, вот ты и дома.

Я поднял взгляд и увидел, как он въезжает на дорожку к домику, в котором я прожил восемнадцать лет. Со дня, как был выписан из роддома, до дня, когда уехал в колледж, веря, что оставляю Нигдебург совсем и навсегда.

Я по-прежнему отказывался называть это место домом.

Первым делом я пошел к Джесперсам, соседям, думая, что Бен у них.

Стоял у двери, поставив к ногам свой необъемный рюкзак, и стучал, ожидая, когда ответит Фил. Но отозвалась его жена, Патти. Выглядела она довольно паршиво, не говоря уж о том, что стала старше, даже больше, чем на шесть лет. Длинные волосы были нечесаны, и она руками смахивала их с лица. Я заметил в ее шевелюре седину, которой не видел прежде.

– О боже мой, – запричитала она. – О, слава богу. Наконец-то ты добрался.

– Да-а. Извините, что получилось так долго.

– Что уж там, голубок, твоей вины в том нет, – она вышла и заключила меня в медвежьи объятия, без которых я вполне бы обошелся. – Самолеты-то не летают, я хотела сказать. Слышала, что арендуемые машины по всей стране разобрали вмиг.

– Да-а. Я тоже такое слышал. От любой арендной фирмы, куда обращался.

– Н-да, просто для нас такое облегчение видеть тебя. И прежде всего, прежде чем я еще хоть слово произнесу, мы очень, очень сожалеем о твоей маме. Бедное дитя, ты, должно быть, безутешен. Не могу молчать о таком. Но... прошу тебя, не пойми это превратно, голубок... мы Бена любим. Ни в коем случае мы бы не оставили его одного, даже на пару-тройку дней. Но, говоря по правде, голубок, мы просто представить себе такого не могли. Нам просто не хватает терпения. Совсем. Мы своих двоих подняли, и этого вполне достаточно для всяких там «кто не спрятался, я не виноват».

– Да-а. Как вообще Марк себя чувствует? – это был еще один из тех парней, с кем я ходил в школу, не говоря уже о том, что мы были сверстниками и прожили по соседству восемнадцать лет.

– О, прекрасно, но теперь он говорит, что хочет в армию записаться, и я готова скрутить ему шею.

– Тут будто эпидемия, – сказал я.

– Что ж, полагаю, люди считают, что надо что-то делать.

Тут-то я и понял, что сил для бесед с посторонними больше нет. Пусть даже теперь в этом виноват я сам. Надо быть осмотрительнее.

– Однако... вернемся к Бену. Вы рассказали ему о...

– Ой, а как же, голубок. Мы все ему рассказали, прилично, как могли, мы даже отвезли его к врачу вашей мамы, чтобы тот объяснил Бену про то, что такое аневризма. А он потом по пути домой спрашивал – уже примерно в сотый раз, – когда она вернется. У нас уже просто силы иссякают... вот, мы просто этого больше не вынесем.

– Так давайте его сюда.

– О, а здесь его нет.

– Нет? Мистер Джесперс сказал...

– Голубок, мы старались, видит Бог, старались. Но ты же знаешь своего брата. Все должно быть знакомо. Должен держаться тот порядок, который он установил. Вот мы и укладывали Бена спать в его же собственную кровать, и Фил потом несколько ночей спал на диване у вас дома на случай, если Бену понадобится что-нибудь или он испугается. Но сегодня вечером сообразили, исходя из того, когда ты позвонил и все такое, что ты приедешь весьма скоро. Бен ложится спать в восемь. Каждый вечер. В восемь. Ни минутой раньше. Ни минутой позже. Подожди, я дам тебе ключ.

Она пропала из дверного проема, а я стоял, сдерживая легкую дрожь. Смотрел на желтоватый, облепленный насекомыми фонарь на крыльце и шурился. Устал так, что на мгновение потерялся, не в силах сообразить, где нахожусь. Все вокруг побелело, как бывает на какую-то долю секунды перед тем, когда теряешь сознание.

Что-то во мне не желало возвращения Патти. Потому что сил у меня на нее не было. Только это глупо, конечно же. Ключ-то мне был необходим.

Через секунду она вновь появилась и сунула ключик мне в руку.

– Тебе придется отвезти его на работу утром. Он встает рано.

– У Бена есть работа?

– О, да-а. А как же, голубок. Ты не знал? Бен пакует бакалею уже где-то около двух с половиной лет. Получается по-настоящему хорошо. Он всем нравится. Правда, кто-то должен отвозить его туда и потом забирать. Ему нельзя ездить на автобусе. Ваша мама пыталась научить его пользоваться общественным транспортом, но он всякий раз терялся. Всякий, черт его дери, раз. Однажды ей пришлось полдня потратить на то, чтобы отыскать Бена, даром что весь, черт его дери, город был поставлен на уши и разыскивал его.

Старший сын мамы получил работу упаковщика бакалеи примерно в то же время, когда «ее дитя» был принят в одну из лучших фирм в Нью-Йорке. Как ни привык я к состоянию Бена, а такое все же казалось странным.

Нужно было заканчивать этот разговор. Спать хотелось невероятно.

– Только у меня нет машины.

– Бери автомобиль своей мамы.

– А-а. Точно. Вы знаете, где она хранит ключи?

– Нет. Не знаю. Прости. Но, может, Бен знает.

Отлично. Давайте зацепимся за это.

– Что ж, спокойной ночи, – сказал я. – Спасибо, что приглядели за ним.

– Случилось непредвиденное, голубок, но, слава богу, ты добрался домой. Вот и все, что я могу сказать. Мы с Филом просто слишком стары для всех этих дел с Беном. Может, у тебя лучше получится, ведь ты молодой. Удачи тебе.

– Спасибо, – сказал я.

– Удача, она тебе еще понадобится.

На это я не ответил. Просто пошел, срезая путь, по лужайке к дому своего детства, машинально соображая: «А ты, если подумать, не считаешь, что лучше бы последняя фраза осталась невысказанной?»

В доме был погашен весь свет, но, когда я отпер входную дверь и прошел в гостиную, все было видно ясно. Чересчур ясно. Комната была погружена в какое-то призрачное сияние. Учтывая, как на меня влияло состояние изнеможения, сияние казалось едва ли не сверхъестественным. Впрочем, понадобилось немного времени, и я сообразил: в каждой комнате горят ночники.

Я сразу побрел к каминной полке: фото на ней притягивали меня.

Мама с отцом в день свадьбы. Мама и отец с Беном и со мной (нам было, если не ошибаюсь, десять и четыре). Я пристально взгляделся в глаза Бена, улавливая в них проблеск неповиновения и озорства. Таким я знал Бена первые восемь лет своей жизни. Потом еще десять лет я жил с изменившимся Беном. В голове промелькнуло: а уверен ли я, кого встречу утром, – хотя рациональная сторона моего разума, конечно же, понимала, чего ожидать в такой ситуации.

Еще там стояли моя фотография, когда я выиграл в средней школе соревнования штата по легкой атлетике, и фото Бена в двенадцать лет, держащего двадцатидюймовую форель в неустойчивой байдарке (неустойчивости байдарки на фото не было видно, но я помнил) на озере Каунсил Гров.

Я еще раз глянул на фото родителей, и меня поразила странная и будоражащая мысль.

Я – сирота.

Потом я выбросил ее из головы. Сироты – это малыши-беспризорники, мелюзга, иждивенцы. Я же был взрослым человеком, родители которого умерли. Множество взрослых падает под эту категорию. Правда, большинство были старше, чем я.

Странно, но эта нить размышлений не подвела меня на опасное расстояние к слезам. Это сделала следующая.

Я посмотрел на самую каминную полку, и вдруг в каком-то озарении увидел нашу семейную рождественскую деревню.

Каждый год мама снимала с полки все фото и безделушки и устраивала городок из украшений, которые все остальное время года лежали спрятанными в коробке, на чердаке, дожидаясь своего часа.

Из стопок книг она складывала горы, потом укрывала их мелкой сеткой и ватой. У маленьких домиков сзади имелись отверстия для рождественских лампочек, так что окошки светились, будто внутри жили люди. Маленькая лошадка, запряженная в сани, все время бежала на ватном склоне горы к зеркальцу-озеру, добраться до которого ей так и не было суждено. На озере крохотный фарфоровый скунс катался на коньках, а семейство оленей высотой в дюйм пили из озера серебряную воду.

И вот в этом месте я едва не сорвался. Только я старался держаться крепко. Повел себя слишком безалаберно, поэтому и позволил чему-то похожему на настоящее чувство вырваться наружу. Оно выбило бы меня из колеи, измучило бы меня и в конце концов сломало бы. Может, навсегда. Надо отдохнуть и набраться сил для этой драки.

Я побрел на светящуюся кухню в поисках какой-нибудь еды. Но меня снова застали врасплох. На дверце холодильника забавные магниты (початок кукурузы, клубничка, морковка, рожок с мороженым, банан) удерживали все пять открыток, которые я послал маме из Нью-Йорка.

Поначалу меня просто поразила их тусклость и отсутствие воображения. Эмпайр-стейт-билдинг. Рокфеллеровский центр. Статуя Свободы. Бруклинский мост. Неужто я и вправду так мало времени и внимания уделил своему выбору? Теперь вот я стою рядом с ними на другом конце света, и они нагоняют сплошную тоску.

На пятой открытке изображался Всемирный торговый центр. Башни-близнецы. Меня будто электрическим разрядом шарахнуло. Его гул слышался несколько секунд, жуткий и не спешивший стихать. Я стянул открытку с холодильника, уронив на кухонный линолеум магнит с рожком мороженого. Наклонился, поднял его, чувствуя легкое головокружение, и вернул открытку на холодильник, повернув ее картинкой к дверце. Чтобы не приходилось смотреть на нее.

Конечно же, теперь была видна сторона с посланием.

Стояла дата: 30 апреля 1999 года. *«Дорогая мама, – написано. – Вот она, работа всей жизни. Я на самой вершине мира. Пожелай мне удачи. С любовью, Расти».*

Расти? С чего это я подписался Расти? Это имя я оставил в прошлом еще по пути в колледж.

Поразительно, но ничего из этого не было настоящим счастьем, на которое я намекал.

Произошла смена ролей. Сюрреалистическая смена ролей. Я отправлял эти открытки из места, видевшегося мне вершиной мира, единственной и неповторимой, словно бросал их в пустоту. Как будто адреса на открытке вовсе не существовало, или по крайней мере он был ненастоящим.

Может, поэтому я и поставил подпись «Расти». Какая разница для выдумки-то?

А теперь я стоял на другом конце пути, который проделала открытка. И вот оно, это место, – по-настоящему подлинное. А место, в какое я верил так неистово и к которому стремился всей душой, рухнуло словно карточный домик.

Слегка потрянув головой, я попытался отделаться от любых бесприютных мыслей и чувств. Убеждал себя, что станет лучше после того, как я съем чего-нибудь.

К моему удивлению, холодильник ломился от еды. Кастрюлька за кастрюлькой – то прикрытая фольгой, то обернутая в пленку, то накрытая крышкой. Ну и всякие там мисочки, баночки, плосечки – огромное количество.

Потом я понял, что удивляться нечему. Друзья семьи и соседи приносили Бену поесть. Конечно же, ему помогали. Людям свойственно так поступать, когда кто-то умирает. Даже если член семьи почившей способен со всем справиться самостоятельно. Даже если скорбящий член семьи не Бен.

Я прошелся по кастрюлькам и остановился на лапше с чем-то вроде рубленого мяса в похожем на крем соусе. Выглядело как настоящий бефстроганов, а не как все то, что продается в магазинах при заправках.

Я подогрел целую гору из лапши с мясом в микроволновке. Но в итоге ковырнул ее вилкой лишь два-три раза.

По вкусу это напоминало какую-то полуфабрикатную мешанину из коробки. Соус отдавал химией. Походило на масло с молоком, приправленное ароматизатором. Но и это было не самым худшим. Вкус был знакомый: он напоминал мне детство. Мое прошлое.

Я бросил все в мусор и оставил тарелку отмокать в раковине.

Заглянул в свою старую спальню. Ее переделали в гостиную с телевизором, двумя мягкими креслами и маминой швейной машинкой на столике в углу. А вот витрина с моими наградами была все еще там, призы по легкой атлетике по-прежнему выставлялись.

Дверь в спальню Бена была закрыта, но полоска света под ней сообщала, что ночник здесь горел ярче. Может быть, ярче, чем все остальные, вместе взятые. Дверь я не открыл. Да пребудут во сне спящие братья.

Забрел в мамину комнату, зная, что спать там не хочу, хотя и понимал, что в ней была единственная свободная кровать.

Втащил рюкзак, который таскал за спиной пять дней, достал из него кроссовки, чистое нижнее белье и грязное, скопившееся за время путешествия.

Я прошел в мамину ванную комнату и, оказавшись внутри, поглядев на огромную ванну на ножках, решил, что погрузиться в воду было как раз тем, что нужно. Поэтому я так и сделал. Ванна была глубокой, а вода – горячей.

Окунул в нее свое усталое тело и улегся на спину, закрыв глаза.

Затих, вздыхая.

Следующее, что я осознал: как вскакиваю в ванне во весь рост, отфыркивая и отплеывая воду из носа и рта. Видимо, сейчас это было чересчур опасным для меня мероприятием. Слишком клонило в сон, чтобы нежиться в ванне.

Вытерся, надел чистые трусы. Хорошо было бы поспать в футболке, только чистой у меня не оказалось. Глубоко вздохнув, я забрался на мамину кровать. Сюда, помню, мне не позволяли залезать. Только с одним исключением: если приснился кошмар.

Молча, про себя, сказал матери, что убежден: это как раз тот самый случай.

13 сентября 2001 года

Два дня спустя после обрушения башен меня в темноте, чуть позже половины шестого утра, подобрала попутка. Я знал, что это 70-е шоссе и я нахожусь западнее Индианаполиса, но не знал, был ли я еще в Индиане или ночью уже успел заехать в Иллинойс.

В темноте многое становится тайным. Может, поэтому людей, боящихся света, столько же, сколько и тех, кто пугается тьмы.

– Обычно я не останавливаюсь, когда голосуют, – сказал водитель, не успел я еще и рта раскрыть. Лет ему было где-то за шестьдесят, волосы, то ли белокурые, то ли седые, то ли то и другое вместе, очень коротко стриженные под старомодный «ежик». На нем была трикотажная кофта самого тревожного оттенка оранжевого цвета. – Но я понимаю, что люди до сих пор мучаются, чтобы добраться домой, возвращаясь из гостей. Ваш случай?

– Так и есть, сэр. Пытаюсь из Нью-Йорка попасть обратно в Канзас на похороны, и билет на самолет заказал, но... ну, вы знаете.

– Тогда давай, залазь, – сказал он.

Какое-то время мы ехали молча. Как долго, сказать трудно. Может быть, минут десять, может, и полчаса. А может, я и вовсе задремал, не заметив.

– В Канзасе где обитаешь? – спросил он вдруг, заставив меня вдрогнуть.

– В Нигдебурге, – ляпнул я, позволив себе расслабиться всего на долю секунды. Забыл, что существуют понятия, предназначенные исключительно для молчаливого хранения в голове. – Извините. Я имел в виду в Ниебурге. Ниебург, штат Канзас.

– Интересно...

– Когда мы были детьми, то всегда звали его Нигдебургом. Понимаете. Ни-е-бург. Нигдебург. Искушение было неодолимым.

На это мужчина ничего не ответил, хотя мне показалось, что он-то как раз из тех, кто в силах противостоять искушениям. Вместо этого он просто заметил:

– Никогда не слыхал о таком городе в Канзасе – Ниебург.

– Спасибо, что помогли подтвердить мои мысли.

Опять долгое молчание. Достаточно долгое, чтобы вновь убаюкать меня под гипнозом дороги.

– Горькая выпала доля, – произнес мужчина, вновь встряхнув меня. – Ко всему этому еще и похороны. Кто-то из близких?

– Мама.

– От-те-на. Извини, что спросил.

– Ничего страшного. Ну да. Время гадкое. Особенно когда почти все, кого я знал, были в одной из этих башен.

Он, похоже, какое-то время обдумывал это. Будто бы услышал такое, что могло быть, а могло и не быть правдой.

– В какой?

– В Северной башне. Одной из Всемирного торгцентра.

– Знаешь о ком, кто бы выбрались живыми?

– Только об одном. Он опоздал на работу, как и я. Моя контора находилась выше... вы же понимаете... этажей, которые попали прямо под удар. Я слышал в новостях по радио, что считается, никто не уцелел из находившихся выше линии удара.

Интересно. Интересно, что я говорю об этом так, будто пересказываю содержание фильма, который посмотрел пару дней назад.

Несколько минут мы не говорили. Я смотрел в окошко и видел, как меркли звезды, как намек на утро высвечивался в боковом зеркале. Прямо позади нас.

Зазвонил мой сотовый, появилось ощущение, будто кто-то метнул в мой живот чем-то тяжелым. Может, кирпичом. Может, куском железа.

«Прошу, – подумал я, – только не Керри». Проверил. Звонила Керри.

– Не возражаете, если я поговорю? – спросил я у водителя.

– Нет, с чего бы мне возражать?

– Не знаю. Просто считается грубым.

– Валяй.

Я раскрыл телефон.

– Керри, – во рту пересохло, словно его набили ватой. Я чувствовал, как пульсировало у меня в ушах.

– Его нашли, – сказала она.

Только я уже успел надеть броню. Поэтому ее слова просто ударились о броню и отскочили.

– Джефф?

– Кто же, к черту, еще, Рассел? О ком, к черту, еще я позвонила бы тебе и сказала: «Его нашли»?

Верно, тупой вопрос. Но и она себя показала с новой стороны. Повода говорить со мной раздраженно у нее не было. Помимо того, что она потеряла мужа. Я решил вникнуть в обстоятельства и – будь что будет.

– Действительно ли нашли его тело? Я считал, что это невозможно при том...

– Он выпрыгнул.

У меня вдруг защипало у самого основания языка, как от лимонного сока, и желудок опасно заворчал. Я открыл рот, но выговорить ничего не получалось. Закрыв глаза и попробовал представить себе картину. Ту, что видел двумя днями раньше в телескоп. Конечно же, это был не Джефф. По крайней мере разум настаивал на том, что не он. Только на самом деле это не имело значения. Потому что все равно это был кто-то.

– Ты когда возвращаешься? – спросила Керри, словно прося, с надрывом в голосе, какого я не слышал прежде. Опять же, времена наступили поразительные.

– Я еще не добрался до места.

– Но... ты что думаешь? Надолго, по-твоему, придется остаться?

– Понятия не имею.

– Это займет... сколько? Дней пять или около того, чтобы разобраться с похоронами?

– Керри, я еще даже не сообразил, кто будет заботиться о Бене.

Это была ложь. На самом деле. Я уже. Сообразил. Я – единственный кандидат.

– Ты мне нужен здесь, – сказала она, обрывая разговор.

Душа моя устремилась к ней... потом обернулась и припустила, как вспугнутый койот.

Искоса я глянул на водителя. Вот потому-то я и не хотел, чтобы звонила Керри. Потому и не хотел отвечать на звонок.

Н-да. Одна из причин.

– Может, поговорим об этом позже?

– Что там происходит, Рассел? – вперемешку с рыданиями.

– Ничего. Вообще-то. Меня просто подвозят. Этот милый джентльмен везет меня по Индиане...

– Иллинойсу, – поправил милый джентльмен. На случай, чтобы не было сомнений, слушает ли он. Впрочем, как он мог не слушать? Это ж проклятое переднее сиденье машины.

– По Иллинойсу. Будет лучше, если мы поговорим позже, с глазу на глаз.

– Такое гадкое чувство, Рассел. Что ты говоришь? Ты возвращаешься, верно?

– Я бы предпочел поговорить об этом позже.

– Ведь я же увижу тебя опять, да? Потому что здесь у меня ничего нет. Я все потеряла, Рассел. Ты возвращаешься, правда?

Громадным усилием я сглотнул, несмотря на ощущение ваты во рту. Молчание тянулось слишком долго, и мы оба это понимали.

– Он был моим лучшим другом, Керри.

– Что ты имеешь в виду?

– Только не над его мертвым телом. Ты же понимаешь.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – сказала она.

И пускай странно о таком говорить, но я спокойно сидел в машине, прижав к уху мобильник, и осознавал, что я совсем не знаю эту женщину. Я понял, что феномен привлекательности – любой привлекательности, а не только моей – это иллюзия. А за иллюзией стоит реальный человек. Только какой? Что за человек? Вот то, чего не удосуживаешься узнать. Пока не станет слишком поздно.

– Я позвоню тебе в пересменок между машинами. У тебя есть хоть кто-то, кто может помочь? Хоть кто-то может побыть с тобой?

Пара громких всхлипов.

– Я могла бы позвонить своей маме. Узнать, дома ли она.

– Ты связалась со мной, прежде чем поговорила с мамой?

– Я думала...

– Неважно. Я позвоню тебе, как только смогу.

Я щелкнул телефоном. Неловкое молчание.

Что сказать незнакомому человеку, который случайно услышал все это? А что ему сказать тебе?

Очевидно, ничего.

– Вы отчего-то умолкли, – заметил я через некоторое время.

– Мне до этого совсем нет никакого дела, – отозвался он.

Я смотрел, как наливается светом небо.

– По мне лучше бы сообщение пришло на голосовую почту.

– Могу ошибаться, – заговорил он, – и если я ошибаюсь, то прошу извинить. И даже если я прав, то понимаю: это не моего ума дело. Только можно подумать, что у вас шуры-муры с женой вашего лучшего друга. А тут я просто и не знаю, что можно такому мужчине сказать. Даже если это и вовсе не мое дело. Только это, скажем так, оказалось в моей машине. Иначе бы...

– Я никогда ее не трогал. Мы друг друга вообще не касались. Никак. Никогда. Просто это было что-то, что случается... понимаете... на уровне чувств. Это были просто чувства.

– Там, откуда я родом, – сказал водитель, вцепившись в руль так, что побелели костяшки, – никаких просто чувств и быть не может к жене твоего лучшего друга.

Вспышка собственного гнева удивила меня.

– Вот, спасибо, – произнес я. – Спасибо, что учите меня уму-разуму. Вам, похоже, все известно, так... сообразовите уведомить, как существовать, не имея чувств?

Долгое молчание. Я наблюдал, как у него ходили желваки. Потом я повернулся к боковому зеркалу и стал смотреть, как краснеет небо. Мне показалось, он просто выискивает местечко, где меня посадить.

– Примете мои извинения? – спросил он.

– А-а, – вырвалось у меня. Немного ошарашенно.

Я все еще не пожал протянутую руку.

– Вы правы, – сказал он. – Абсолютно правы. Прошу извинить. Сердцу и впрямь не прикажешь, оно на свой лад бьется. О многом ему и не расскажешь. Я так считаю, что ответ держать следует за то, что ты на деле совершаешь. Ну... прощаете мою вспышку?

– Нечего и прощать, – сказал я, глядя на протянутую руку. Пожал ее. Ладонь была мозолистая и сухая. – Просто все слегка взвинчены. Чувствительнее обычного.

– Это я усек.

Мы долго ехали в молчании. Я видел, как он достал из кармашка оранжевой кофты зубочистку в обертке, как высвободил ее из бумаги. Я ждал, что он начнет ковыряться в зубах. А он попросту зажал ее в уголке рта. Самая маленькая в мире сигарета – без грозящих бедой дыма и огня.

О ветровое стекло бились насекомые. Мы ехали в окружении сельскохозяйственного ландшафта, и большие жуки один за другим ударялись в стекло, каждый оставлял после себя беловатую кляксу в момент гибели.

– И потом, – продолжил водитель, будто наш разговор и не прерывался. – Вы сказали ей в точности то, что надо. Только не над мертвым телом.

Я еще немного посмотрел на жуков.

– Не так-то это было благородно, как казалось, – выговорил я.

Вспомнилась шутка, которую мой приятель Марк рассказал мне еще в школе. Я рос с ним по соседству. Только, если честно, у нас никак не получалось поладить.

Что последним лезет в голову жуку, когда он бьется о ветровое стекло? Его жопка.

Мне не казалось это забавным.

Может быть, дело в переизбытке сочувствия с моей стороны, а может, у меня просто слишком хорошо развито чувство справедливости. Проблема этой шутки в том, что она смешна, только если ты не жук. Зовите это чудачеством, но я не мог не почувствовать себя на месте жука. Слушайте, это же моего дяди Джо жопка. А это мой друг Гектор на том ветровом стекле. И это ни черта не смешно.

– Тут такое дело, – заговорил я. – У меня просто такое... отвращение... к ней. С того раза... вы понимаете. После того, что произошло. Такое ощущение, будто ты попал в такое место, где отучают от курения, и каждый раз, как ты тянешься к сигарете, тебя бьют электричеством. Нет. Такое сравнение не годится. Потому что слишком много действий. А здесь – одно большое. Тут ощущение, словно съедаешь кучу одной еды, а потом тебя тошнит. И может быть, тебя и тошнит-то не из-за этой еды. Может, ты съел три тарелки какой-нибудь там лапши феттуччине, а потом подхватил желудочный грипп. И ты всю ночь не спишь, и тебя рвет этой самой лапшой. Больше ты ее есть не станешь. Гарантированно. Это железный рефлекс. Так что не расхваливайте меня больше, чем я заслуживаю.

Мы еще некоторое время пилились на ветровое стекло. Начало светать. Утро официально вступило в свои права.

Водитель разжевывал кончик зубочистки. Я даже не понимал, как он может видеть дорогу сквозь все эти жучиные кляксы.

Будто читая мои мысли, он сказал:

– Придется остановиться на следующей заправке. Хорошенько стекло почистить. Дворниками тут делу не поможешь. Только хуже сделаешь. Размажешь все. Чертовски неудобно.

– Не так неудобно, как для жуков.

Он издал смешок, фыркнув слегка:

– Точно подмечено.

– Я ей врал, – на меня нахлынуло желание исповедаться. И мы оба понимали это. – Она велела мне посмотреть в телескоп. У меня есть один. Мне его парень с работы отдал. Для астрономии он не очень-то годился. В городе в любом случае не так-то много звезд увидишь. Тому парню телескоп, по-моему, нужен был для подглядывания. Я, случалось, пользовался им, чтобы смотреть на башни. Больше всего на Северную башню. Мою башню, как я называл ее тогда. Для меня было мечтой... работать там. Бывало, находил в телескоп сто четвертый этаж, потом отыскивал окно своей конторы. Мне просто нравилось это делать. Поначалу. Потом, через какое-то время, перестал. Так что Керри знала, что у меня есть этот телескоп. Вот она и велела мне смотреть в него. Сама она по телевизору наблюдала, а я глядел из своего окна. Я живу на Джерси-стрит, прямо через реку напротив нижнего Манхэттена. Мы видели, как второй самолет врезался, пока мы разговаривали. И мы вели себя как будто... этого не происходит. Она сказала, значит: «Возьми свой телескоп». Я и взял. И ответил, что не вижу ничего. Один дым.

Тишина. По-моему, водитель выжидал. На тот случай, если я начну сам.

– Но вы видели еще что-то.

– Видел, как прыгнул человек, – уголком глаза я заметил, как водитель тихонько перекрестился. – И я все думал, как же там жарко должно быть? В офисе. До чего же там становится душно. Больше ста этажей. И верная смерть, об этом и говорить нечего. Очевидно. Знаешь, что ты умрешь – так или иначе. Но вот находишь в себе силы отрешиться. Выкинуть все из головы. Просто преодолеть врожденный инстинкт самосохранения. До чего же жарко должно

было быть в том офисе? А ведь там была и моя работа. То есть не в том же самом месте, где я видел человека. Но где-то рядом. И я знал, что Джефф был там, наверху, вместе с остальными, кого мы знали. Так что я сказал ей, что вижу один только дым.

Еще несколько жуков раздавило. И мне подумалось, что этим утром в восточном Иллинойсе находят свою смерть тысячи жуков и станет ли жучиное сообщество оплакивать их гибель? И не страдают ли от горя их друзья и родственники? Не случится ли у них посттравматическое расстройство из-за стресса? Ну да. Такая путаница была в моей голове.

– Ты не собираешься опять увидеться с ней, – проговорил мой водитель. – Так ведь?

– Ни за что. И я не уверен, что это хорошо. Ей нужно утешение. А у меня его совсем нет. Мы были друзьями. То есть что бы там ни было еще, прежде всего мы были друзьями. И прямо сейчас ей очень нужен друг. Так что здесь нет благородства. И я не могу с этим справиться. Я неудачник.

– Слишком уж ты себя не жалеешь, – ответил мужчина.

Но, как я заметил, безо всякой издевки.

– Да нет. Не думаю. По-моему, я просто очень упрямый.

Он высадил меня через сорок миль, поскольку должен был двигаться на север дальше, чем было нужно мне. Я так и не выяснил, откуда он. И до сей поры не знаю его имени. А он не знает моего.

Я думаю, что оно и к лучшему.

12 сентября 2001 года

Это было на следующий день после обрушения башен, и шоссе, пересекающее центральную Пенсильванию, было сплошь усеяно рукописными плакатами. Примерно по одному на каждую милю. На каких-то участках – чаще. И на всех было одно и то же: «*Боже, благослови Америку*».

Плакаты начинали действовать мне на нервы.

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что следовало бы помалкивать об этом. Но тогда я не видел ничего. Кроме плакатов.

Водителю, подсадившему меня в спортивный «БМВ», было за сорок, может, больше. Возможно, машина служила ему инструментом для выхода из кризиса среднего возраста. Только я особо не задумывался. С лихвой хватало собственных кризисов.

– Достала эта хрень, – вырвалось у меня.

– Что достало?

Голос у него был грубый. И скрипуче резкий. Как у курильщика. Хотя ни от него, ни в его машине табачным дымом и не пахло.

– Да плакаты эти.

Долгая пауза. Долгая и... нехорошая.

– Вам не по душе «Боже, благослови Америку»?

– Да.

– А в чем дело?

– Разве это не очевидно?

– Совсем нет. И вообразить не могу. Так что объясните. Просветите меня, пожалуйста.

– Так вот, – начал я, даже не зная, с чего начать. – Вот «Бог». Если Бог есть, то он должен быть для всех и для каждого. Как можно просить Бога принять чью-то сторону?

– Ничего нет плохого в том, чтобы просить Бога быть на стороне правых.

Голос водителя с каждым словом делался все резче. Я это слышал. И догадывался, что это значит. Только останавливаться было уже слишком поздно.

– Прекрасно. Давайте просить его быть на стороне правых. Давайте скажем: «Боже, благослови всех миролюбивых людей на Земле». Как насчет такого? Так мы просим благословения

для жертв, а не для душегубов. Только представление, будто Америка всегда на стороне правых, смешотворно. Нас ненавидят не потому, что мы свободны. Нас ненавидят потому, что мы вооружаем афганских боевиков против русских, а потом уходим и ввергаем их в мясорубку. И еще за сотню других дурных решений во внешней политике. Я просто не могу отсиживаться за мольбами к Богу, за этой сделкой заботиться исключительно о нас, как о возлюбленных чадах, что бы мы ни творили.

– Тут собраны в кучу довольно непатриотические сантименты, – выговорил мужчина.

– А вот это еще одно, чего я не возьму в толк. Патриотизм. И это не означает, что я ненавижу Америку. Или хотя бы того, что она мне не нравится. Очень нравится. Только я живу в Нью-Йорк-сити. Так почему бы Богу не благословить Нью-Йорк-сити? Или штат Нью-Йорк? Плюс мы живем на планете Земля, но у планеты Земля нет пылких сторонников. Отчего тогда мы пылаем такой страстью лишь в пределах государственных границ? – я буквально не мог остановиться. Даром что понимал, как вывожу собеседника из себя. А ведь он меня подвозил. – Я скажу вам, отчего. Оттого, что у планеты Земля нет армии. И у Нью-Йорка тоже нет. Всего лишь мера безопасности. Заискивая с мощной структурой, чувствуешь себя менее уязвимым.

– Дерьма в тебе навалом, – бросил он.

– Уверен, вы бы чувствовали себя намного спокойней, если бы и я был спокоен.

Я почувствовал, как машина затряслась по гравию, и вдруг понял, что мы съехали с асфальтированного участка шоссе.

– Вон, – сказал он.

Я вздохнул.

Открыл дверь и вышел, а он рванул обратно на шоссе, не успев и я и дверцу закрыть. Резко вильнул к щебенке и исправился: от виляющего движения дверца захлопнулась сама.

А потом он уехал с моими вещами.

– Эй! – крикнул я. – Мой рюкзак!

Я прыгал. Размахивал руками, надеясь, что он заметит в зеркальце заднего вида. Не заметил.

Вздохнув, я пошел на запад, выставив вздернутый большой палец, спиной к движению. Не самый действенный способ попасть в попутку.

– Больше никаких претенциозных размышлений, – произнес я вслух. – Придержи-ка при себе свои чертовы чувства, Рассел. Идиот.

Примерно через четверть мили я нашел свой рюкзак, брошенный в какие-то кусты на обочине дороги.

Позже в то пешее для меня утро, когда я так и не удостоился попутки, раздался звонок.

Это была Керри.

– Ни за что не догадаешься, кто мне только что звонил, – завершала она голосом, прыгавшим от странно радостного к опасно взвинченному. – Не Джефф, к сожалению. Но догадайся.

– Без понятия. Говори.

– Стэн Харбо.

– Он жив?

– Он жив!

– Выбрался?

– Нет, просто так и не добрался. Он опоздал на работу. Ты такому ни за что не поверишь. Он уже входил в лифт. То есть буквально. Ногу поднял, чтобы войти в кабину, но так ее и опустил, потому что самолет врезался. И он просто выскочил обратно. Вместе со всеми остальными. Он просил дать тебе номер его мобильного. Есть чем записать?

– Просто скажи. Я запомню.

– Ой, а ведь точно. Я забыла, что ты не забываешь, – она продиктовала номер. – Так, послушай. Видишь? Необычное случается. Чудеса случаются. Нет ничего определенного, понимаешь?

– Точно, – сказал я. – Всего не угадаешь.

Она стояла на том, что Джефф все еще мог быть жив. Несмотря на тот факт, что он сделал короткий звонок из офиса через несколько минут после того, как врезался первый самолет. Несмотря на тот факт, что с тех пор он так и не позвонил.

– Я лучше свяжусь со Стэном, – сказал я.

Надеялся, что моя поспешность отключить телефон будет оправдана нетерпением связаться со Стэном Харбо.

Но я не рвался звонить Стэну Харбо.

Встал на обочине дороги и набрал номер. Один гудок. И тут появилась машина. Так что я отменил вызов.

Женщине, которая остановилась возле меня, было, наверное, лет восемьдесят. А может, я даже ей льщу. Девяносто, так, пожалуй, было ближе к правде. Маленькая, сторбленная, и я с тревогой подумал, как это она ухитряется видеть что-то за собственной приборной доской.

Только я дождался попутки все утро, а кроме нее, никого больше не было, так что я сел.

– Спасибо, что остановились.

– Обычно я этого не делаю, – голос старушки заметно дрожал. Голова дергалась взад-вперед. Все, казалось, существовало само по себе. – Но никого вокруг нет, вот я и захотела помочь. Не могу всему этому поверить. А вы? Вы можете поверить, что это на самом деле случилось?

Она вырулила обратно на шоссе и разогналась до скорости примерно миль на двадцать меньше разрешенной.

Может, этот вопрос был проходным, но мне так не показалось. Я воспринял его всерьез. Время было такое, что все воспринималось всерьез.

– Для меня это будто сон, – сказал я. – До сих пор такое чувство, будто все просто приснилось.

– Вот уж думать не думала, что увижу что-то подобное. Ничего такого прежде не случилось.

– Ну, это не совсем верно.

Едва эти слова вылетели у меня изо рта, я понял, что вновь принялся за неприятные рассуждения. Как раз за то, чем дал себе слово больше не заниматься.

– Как это? Когда это такое происходило?

– Неважно. Извините. Забудьте, что я сказал.

– Нет, в самом деле. Давайте, выскажетесь. Мне хочется понять, на что вы намекали.

– Ладно. Терроризм не что-то новое. Ни война, ни насилие не новы. Взгляните на Ближний Восток. На то, что в Руанде произошло в девяносто четвертом. Взгляните на...

– А-а, – произнесла она. – Я-то имела в виду – у нас.

А то, как же иначе. Конечно же, она имела в виду у нас. Отношение всегда другое, когда это – у нас, здесь. Надо отдать мне должное: вслух я ничего не произнес.

Я помнил, как мама однажды рассказывала мне про Уинстона Черчилля. Или, во всяком случае, то, что она помнила. В одном споре с ним кто-то указал на почти миллион утраченных жизней во Второй мировой войне. И Черчилль поправил того человека, сказав, что на алтарь смерти было принесено около шестидесяти миллионов. Что ответил оппонент? «А-а, это если считать иностранцев».

Я никак не мог взять в толк, почему подобное отношение делает всех остальных более патриотичными, а меня – менее.

– Полагаю, мне следовало бы и других брать в расчет, – сказала она.

– Мне следовало бы держать рот на замке. Извините.

– Нет. Не извиняйтесь. Вы правы. Нужно помнить и о других. Придется остановиться тут, заправиться немного.

– Отлично, – обрадовался я. – Я ненадолго, воспользуюсь остановкой.

По пути в мужской туалет я набрал номер Стэна и нажал на «вызов».

Он ответил с первого же гудка.

– Стэн?

– Рассел. Боже мой. До чего ж я рад, что ты позвонил. Керри предупредила меня, что ты, может, позвонишь. Я надеялся, что ты позвонишь. Ты раньше пробовал звонить?

– Ну да. Извини. Что-то помешало.

Я не знал, что говорить дальше. И очень хотел писать. За что и принялся, прижав телефон плечом к уху.

– Думаю, одни только мы, Рассел. Думаю, все остальные погибли.

– Ну, мы не знаем. Не спеши утверждать. Я еще совсем-совсем недавно не знал, что ты жив.

– Но кто-то же знал, – ответил он. – Я обзванивал всех как сумасшедший, а остальные... никто не знает о них ничего. Совсем.

Долгое молчание, во время которого я подошел к раковине вымыть руки.

Взглянул на себя в зеркало: волосы всклочены, на лице щетина. С прошлого утра не брился. Глаза припухли и покраснели, будто я целый день только тем и занимался, что плакал навзрыд.

Только я ведь не плакал. Или... на какой-то момент я даже усомнился. Может, я плакал и не помню этого. Только это же безумие. Я бы помнил. Верно?

– Керри сказала мне про твою маму, – говорил Стэн в левое ухо. – Мне вправду жаль, что с твоей мамой так случилось.

– Спасибо, – бросил я, думая, до чего же хочется умыться, да не поймешь, как это сделать, не повредив телефон.

Именно тогда я и сообразил, насколько далеко нахожусь от смысла нашего разговора.

И еще одно меня поразило, пока я стоял, разглядывая собственные глаза в мутном туалетном зеркале: в сущности, Стэна Харбо я не знал. То есть я встречался с ним. Работал рядом. Но ничего, что выходило бы за рамки тридцатисекундного обмена фразами в лифте. Он был на добрые двадцать лет старше, главным партнером, а не младшим рекламщиком, как я. Не так-то много общего. Зато теперь мы связаны. Навеки. Как товарищи по войне. Мне стукнет восемьдесят, а я все равно буду получать рождественские открытки от Стэна. Тут узлы, которые ничто вовек не разорвет.

Как-то странно было ощущать себя несокрушимо связанным с относительно незнакомым человеком.

– Хочешь знать проклятую правду? – спросил Стэн.

– Обязательно, – отозвался я.

Только я не хотел.

– Я забыл про чертово совещание. Забыл, что Стерджис просил нас прийти к восьми тридцати. Я и не думал, что опаздываю, считал, что иду рано. Даже после того, как выскочил из башни и все такое. И только позже, уже днем, меня как обухом по голове: я должен был быть на работе в восемь тридцать. Если бы Стерджис не назначил это раннее совещание, они все были бы сейчас живы.

– Но он все-таки назначил, – что еще можно было ответить? Что еще я мог сказать?

– Запиши номер моего сотового.

– Он у меня уже в телефоне.

– А-а. Отлично.

– Ты где?

– Точно не скажу. В Пенсильвании, по-моему.

– Как передвигаешься?

– С помощью большого пальца. Ничего больше у меня нет.

И в этот безобиднейший момент разговора Стэн Харбо не выдержал и разрыдался.

– Почему не мы, Рассел? Почему их, а не нас?

– Не имею ни малейшего представления, – сказал я, желая, чтобы связь прервалась.

– Ты не думаешь, что осталось нечто важное, что мы должны сделать в этом мире? Ты веришь во что-то такое?

– Возможно. Не уверен. Надо будет подумать. Слушай, я должен идти. Извини. Моя попутка запрашивается, и я должен вернуться до того, как она уедет. Меня старушка подобрала. Она может и забыть обо мне. Может забыть, что у нее все мои вещи.

– Ну да, хорошо, – произнес он, но таким голосом, будто сокрушен, теряя меня. – Позвони мне попозже, ладно?

– Ага, тогда и поговорим, – сказал я.

И отключил телефон.

Я понимал, как дьявольски болезненно будет заставить себя позвонить ему еще раз. Но я позвоню. Или он позвонит. Или мы оба позвоним. В жизни каждого другой теперь – неизбежность. Единственные двое, кто остались.

Когда я вернулся к машине, старушка едва-едва завершила процесс оплаты бензина с помощью кредитной карточки. Она никак не вязалась с выполнением такой задачи, как заправка машины.

– Вот что, я этим займусь, – предложил я, осознавая, что предложить надо было раньше. – Давайте я все за вас сделаю.

– Что ж, очень мило с вашей стороны. Вы милый молодой человек.

На какой-то момент я задумался. Задумался, а правда ли это.

Позже вечером, как раз перед заходом солнца, меня подобрала на дороге средних лет женщина в фургоне «Фольксваген». Стареньком. Настоящем атавизме былых времен.

Мне следовало понять, просто взглянув на фургон, что из него меня не выкинут за отсутствие патриотизма.

– Это ужасно, – проговорила женщина, даже не удосужившись назвать себя, вынуждая меня поведать свою историю или завязать пустую болтовню. Говорить приходилось громко, чтобы было слышно за натужно работавшим мотором. – Только еще ужаснее то, что нам предстоит сделать в ответ. А нам придется перейти в атаку и стереть их с лица земли. Разве не так?

– Я бы предположил, что так. Да, – выговорил я громко.

– Знаю, мы никогда этого не сделаем... знаю, что во мне говорит идеализм. Только мне бы хотелось, чтобы мы просто ничего не делали.

– Ничего?

– Это послужило бы примером для всего мира.

– Потрясающе, – выговорил я. – Каким же именно?

– Я не уверена. Кажется, я встретила кого-то более левого, чем я. Вы не считаете, что мы должны ничего не делать?

Я вздохнул. От усталости я уже не держался на ногах.

– Пытаюсь вообразить, если бы решение предстояло принять мне. Если бы мой сосед швырнул мне в дом зажигательную бомбу. И я был бы должен решать, что делать. Не думаю, чтобы я бездействовал. А вы? То есть, если бы сосед все еще находился рядом. Возможно, намереваясь проделать то же самое еще раз.

Женщина за рулем подумала над этим.

– Я бы не стала бомбить его дом и убивать все его семейство.
– Нет, и я бы не стал. Но я бы вызвал полицию.
– Ну да, только за такое-то кого вызывать?
– Не знаю. Только все равно считаю, что существует принцип правосудия. Между не делать ничего и стереть бомбами всех с лица земли и находится правосудие. Мы могли бы выяснить, кто несет ответственность, и затащить их в Гаагу, предать международному суду.
– Мы этого не сделаем, увы, – сказала она.
– Нет. Конечно же, нет.
– Я сожалею, что сказала то, что сказала. Это было глупо. И наивно.
– Нет. Это было обновлением данных. Новые знания.
Потом, только я успел подумать, что, видимо, пронесло, она спросила, где я был предыдущим утром в 8:46 и 9:03. И мне пришлось тяжело вздохнуть и рассказать свою историю сначала.

11 сентября 2001 года

Я открыл глаза и глянул на будильник. Показывало 8:13 утра. А мне полагалось быть на работе в восемь тридцать на совещании Стерджиса. Очевидно, я, сам того не соображая, по крайней мере пять раз нажал на кнопку десятиминутного отбоя.

Последующие несколько минут моего утра стали упражнением на скорость. Скоростной душ. Скоростное бритье. Скоростное одевание.

Потом до меня дошло, что это напрасная трата сил. Ни к чему так торопиться. Что бы я ни делал, все равно пропущу совещание. Я мог бы сейчас стоять на платформе в ожидании поезда, и все равно это было бы впустую. Мог бы ехать в поезде, отходящем от станции, и все равно это не помогло бы. Так что я улучил минутку для четырех-пяти глотков чересчур горячего кофе, который был сварен по таймеру.

Хотел позвонить Стерджису, предупредить, что опоздаю, и попросить прощения. Но к тому времени было уже 8:35, и я решил, что прерывать совещание было бы еще хуже.

Хрень. Хрень. Хрень. Это было самое худшее. Хуже некуда. Самое худшее, что могло случиться. Работа значила для меня больше всего, больше собственной жизни, больше целого света. И почему я то и дело вот так все порчу? Почему?

Я посидел секунду-другую, обхватив голову руками, потом направился к двери.

Зазвонил телефон.

– Балдеж, – произнес я вслух. – Одно к одному.

Я уж почти решил не брать трубку. Но потом подумал: Стерджис. Это Стерджис – интересуется, где я. Затем: «Нет. Не может быть. Он бы позвонил на мобильник, считая, что я уже почти на месте». Потом решил: «Да пусть себе. Черт с ним». Снова подумал, что уже пропустил совещание. Уже опоздал.

Решил ответить. Если окажется что-то важное, попрошу звонившего, кто бы то ни был, перезвонить на мобильник, пока я буду идти к поезду.

– Алло? – произнес я. Видимо, одним словом, будто по телеграфу, пытался передать всю свою досаду.

– Расти? – мужской голос. – Это Расти?

В груди у меня защемило. Чуть позже боль разрастется в сокрушительную силу. Словно зажмет сердце в тиски. Я понятия не имел – тогда, – надолго ли она поселится во мне. И до чего же мало окажется у меня сил, чтобы сопротивляться ей. Понимал только одно: зачем-то звонили из мира, оставленного мною давно в прошлом. Из вымышленного места под названием Канзас. Потому что никто не называл меня Расти. В этом, реальном мире.

– Это... Рассел. Говорит Рассел Аммиано.

– Расти. Хорошо. Это Фил Джесперс. Из Ниебурга. Помнишь меня?

– О-о. Мистер Джесперс. Точно. Обязательно. Отец Марка. Из... соседнего дома.

– Верно.

– Я тут спеш...

– Оставь это на минутку, сынок. Как тяжело. Так скверно. Мне жаль... а-а, черт... не имеет значения, чего мне жаль, так ведь? Ты сидишь? Возможно, захочешь сесть, когда узнаешь.

Именно в этот момент боль и сдавила тисками.

Что-нибудь случилось с Беном, подумал я. Печально. Очень печально. Но я переживу.

А вот бедная мамочка...

Я сел.

– Это касается твоей мамы, – донеслось из трубки.

– Мамы?

– О боже, Расти. Не мне бы тебе звонить. Доктор собирался. Но я сказал: «Нет, позвольте мне». Сказал: «Расти меня знает. Будет лучше, если от кого-то, кого он знает». Теперь вот жалею, что открыл рот.

Долгая пауза.

– Моя мама? – произнес я.

– Искренне сочувствую, Расти. Она скончалась.

Прошло какое-то время, по-моему. Не уверен, сколько именно.

– Этого не... может... я хочу сказать... Что случилось?

– Ну, точной уверенности нет, но врач считает, либо удар, либо аневризма мозга. Он собирается делать... Он будет разбираться. Скоро мы узнаем больше.

Прошло еще сколько-то времени.

– Где Бен? – спросил я.

– Он у нас. В данный момент он с нами. Но долго это продолжаться не может. Ведает Бог, Расти, как неприятно мне вот так ошарашивать тебя разом. Просто дьявольски неприятно. Но приходится. Тебе нужно возвращаться сюда и сбывать его с наших рук. Чем скорее, тем лучше, – я глянул в окно. На свою работу на том берегу реки.

Подумал: «Не смогу сделать этого. Я и так опоздал на работу».

Взглянул на часы: 8:39 утра.

– Я не могу забросить свою жизнь и заботиться о Бене, – сказал я.

– Что ж, тогда брось свою жизнь на минутку и сообрази, кто сможет. Потому как я до чертиков уверен, что не смогу. И до чертиков обязательно, что кому-то придется. Слушай. Тебе все равно нужно приехать домой, устроить все в связи с твоей мамой. Пока будешь здесь, просто подберешь какой-нибудь вариант с Беном. Вдруг решишь, что его нужно в какой-нибудь дом поместить. Никто не сможет принять этого решения за тебя. Или, может, сообразишь, с кем еще он мог бы жить. Только так или иначе, но тебе придется выбраться оттуда. И как можно скорее.

Я наблюдал (будто пребывал не в собственном теле, а где-то еще), как упорство покидает меня. Всякое желание сопротивляться. Фил был прав. Это неизбежно. Я просто обязан позвонить Стерджису и сообщить о смерти моей матери. Теперь я не опаздывал на работу. Не проспал ее. Моя мама умерла. Поэтому я и не мог прийти. Стерджис это поймет.

Всякий бы понял.

Погодите. Моя мама умерла?

– Верно, – сказал я. – Сейчас закажу билет на самолет. Буду держать вас в курсе. Позвольте, я вам дам номер своего мобильного.

– Он у меня есть. Сбоку на холодильнике твоей мамы записан. Вместе с этим.

– Хорошо. Значит... я вам перезвоню.

– Расти? Я сожалею. И Патти сожалеет. И Марк сожалеет.

«Ого, – подумал я. – Сожалеть-то должен я, сукин сын».

Я повесил трубку и нашел в Интернете нужный рейс. Это вообще времени не заняло. Охрентельно дорого, но чего я ждал? Такие уж они, билеты в день вылета. И я не представлял себе, как добраться до... туда... из аэропорта в Уичито. Встретят ли меня Джесперсы? Путь неблизкий. Во что обойдется аренда машины? Дорого, посчитал я.

Но я все еще не звонил Стерджису.

Опять глянул на часы. 8:44.

Его телефон значился у меня на быстром наборе. Я рассчитывал, что попаду на голосовую почту, поскольку шло совещание. Но он, должно быть, следил за тем, кто звонит. Поскольку ответил сам.

– Аммиано, – зарокотал. – Где вас черти носят?

– Я дома.

– Дома? И что вы дома делаете?

– У меня мама умерла.

Слова, слетевшие с моих губ, звучали как-то странно.

Мелькнула мысль, что он им не поверит. Потому что я не верил.

– О боже. Это ужасно. Что случилось?

– Они еще... сами не очень уверены. Возможно, аневризма или удар. Так, послушайте. Я заказал билет. Я должен лететь.

– Безусловно, должны. Езжайте. Позаботьтесь обо всем. О нас не беспокойтесь. Мы справимся. Силы небесные! Мои соболезнования, Рассел.

– Я позвоню, когда буду знать, когда вернусь.

– Не беспокойтесь. Езжайте, и все.

Я отключил телефон.

Минуту-другую я сидел, обхватив голову руками и вдавив ладони в глаза. Поэтому, когда поднял голову и открыл глаза, то видел все очень причудливо. Пятнисто. Понадобилась где-то минута, чтобы осознать – это никакая не оптическая иллюзия. Из Северной башни валил самый настоящий дым и выбивался огонь.

Эту историю с тех пор я рассказывал много раз. Просто сбился со счета. Но этой ее части я не рассказывал никогда. Никогда не отвечал на вопрос, что я чувствовал в тот конкретный момент. Отвечу на него сейчас.

Облегчение.

Такую стремительную волну облегчения. У меня даже вырвался коротенький лающий смешок. И потом я произнес, обращаясь к пустой комнате: «Ну, конечно».

Мне бы знать, что это был просто сон.

Моя мама, я имею в виду, неожиданно умирает, и мне приходится бросать всю свою жизнь, которую я с таким трудом выстроил, возвращаться в Канзас и заботиться о Бене? Мне следовало бы понять это уже тогда. Мне незачем было, подняв взгляд, видеть башню горящей, чтобы понять – это всего лишь сон.

Теперь все обретает смысл.

Кроме того, это не походило на сон. Очень часто сны только потом осознаются снами. После того, как уже проснешься.

Завибрировал мобильный. Я все еще держал его в правой руке. Звонок вывел меня из забытья. Я ответил.

Это была Керри.

– О боже мой. Ты там. Ты отвечаешь. Больше никто не отвечает. Подожди. Ты где? Ты на работе?

– Нет, я дома.

– Включи телевизор. Ой, нет. Подожди. Тебе же из окна видно.

Но было поздно. Я был уже на полпути к телевизору. Так что протянул руку и включил его.

И, пока шел, пока передвигал ногами, я понял. Очнулся. Я просто понял.

– Мне Джефф звонил, – сообщила она, – и мы поговорили с минуту, но потом он отключился.

Я пытался слушать одновременно и Керри, и телевизор.

– Самолет? – произнес я, лишь смутно сознавая, что отвечаю телевизору, а не Керри.

– Я пыталась перезвонить, – говорила она, – но все линии заняты. Я обзвонила всех по рабочим номерам, но дозвониться не смогла. И потом я вспомнила: Джеффу можно звонить по мобильному. Только было ничего не понятно, Рассел, – она принялась плакать, но продолжала говорить. – Он сказал только, что жарко. И что он меня любит. И это все, что он сказал. И тогда я тебе позвонила. Потому что знаю номер твоего мобильного. Тебе видно, что происходит?

– Подожди, – попросил я. Ни при каких обстоятельствах мне было не угнаться за всем этим. – Как у тебя могло хватить времени обзвонить всех за... типа... минуту?

Краткое молчание.

– Это была вовсе не минута, Рассел.

Я глянул на часы. 9:03 утра. Почему-то, невероятно. 9:03 утра.

– Рассел, возьми свой телескоп. Рассказывай мне, что видишь. – Но я стоял столбом. Целую секунду просто стоял. Я не хотел подходить к телескопу. Если подойти, то все увижу. – Ой, боже мой, – взвизгнула Керри. – Ты видишь это?

Подняв взгляд, я увидел, как второй самолет метил в Южную башню.

– А ты это видишь?

Я не понимал, откуда ей было видеть. Она жила в центре Манхэттена.

– Я телевизор смотрю. О-о, боже мой!

Мы оба смотрели, как второй самолет врезался в Южную башню. Просто врезался. Словно открылась дверь – входите, пожалуйста. Под углом. Вспыхнул огонь, как будто самолет еще мог вырваться обратно. Только я не помню, видел ли я все это из окна. Или мне вспоминается то, что показали по телевизору.

– Рассел! – кричала Керри. – Что происходит? Почему это происходит?

– Этого не происходит, – сказал я. Во всяком случае у меня была такая теория. – Может же так быть, что это сон?

– Нет, это происходит. Возьми свой телескоп.

– погоди, – попросил я и бросил мобильник на диван.

Я взялся за телескоп.

И увидел.

Дым. Клубы и клубы дыма. Серый и черный. Он валил не только из косой прорези, но и из окон выше. И через край крыши. Кажется, выходил из-под края крыши.

И бумага. Я видел множество бумаг. Выглядело, словно парад бумажных украшений, но я различал, что каждая крохотная блестка конфетти была целым листом бумаги.

А потом я увидел его. Но кого? Не знаю. Кого-то. Знал, что он не из наших, потому что окно находилось по крайней мере этажа на два ниже нашего офиса. Может, на три.

Человек стоял в проломленном окне. Стоял на краю.

И потом он просто... упал вперед. Движение было свободным. Намеренным. Он не терял равновесия. Он выбросился.

Поверьте мне. У меня был телескоп. Я знаю. Я видел.

Я отследил кусочек его падения в телескоп.

Видел, как воздушный поток задрал вверх галстук, который стоял торчком рядом с шеей. Видел, как трепыхались раскрытые полы пиджака, взметаясь к распростертым рукам. Он распростер руки. Словно умел летать.

И ткань его пиджака натянулась почти до кистей рук. От этого казалось, будто у него есть крылья.

И всего на мгновение я подумал: «Он полетит. Он бы не бросился вперед, если бы не думал, что способен летать. Он полетит».

Не полетел.

Я потерял его из виду (какое-то здание закрыло), когда до земли оставалось еще чуть больше половины пути.

Я услышал, как с дивана доносились вопли Керри.

Я взял мобильник, поднес его к уху. Она вопила:

– Что ты видишь? Рассел? Ты что видишь?

– Ничего, – ответил я. – Один дым. Мне ничего не видно. Один только дым.

Часть вторая. Сложный вопрос

15 сентября 2001 года

Было около семи вечера. Мой первый полный день... возвращения.

Я разбирался в маминых бумагах. Небольшая кипа папок, найденных в ящике у нее в спальне. Не могу даже сказать, что я хотел отыскать. Но сразу понял, когда нашел.

Тоненькая папочка с надписью: «*Окончательные*» решения. Только и всего. С кавычками на слове «*окончательные*». Словно могло оказаться, что они не такие уж и окончательные, как ей думалось.

Внутри я нашел документы, извещавшие, что она предпочла кремацию. И та была уже оплачена.

– Ничего себе! – выговорил я вслух.

Это примерно то же, что воскликнуть: «Бинго!» – что было бы чересчур старомодно. Или: «От крутняка!» – что уже слишком походило бы на современный хип-хоп. Но это было здорово. То есть настолько здорово, насколько это возможно, когда речь идет о недавней смерти твоей матери.

Из-за этого меня охватило какое-то неизвестное чувство. Во всяком случае, неизвестное до недавних пор. Словно я получил отсрочку. Для разнообразия. Кое-что получалось, как следует. И даже лучше, чем ожидалось.

– Ты что-то сказал, братишка? – крикнул Бен.

Сам он был в комнате с телевизором. Смотрел мультики. На полной громкости. Даже отсюда, из гостиной, я слышал, что Даффи Дак считал, что пришел «кволичий» сезон, а Багз Банни полагал, что настал «утковый» период, и каждый думал, что Элмеру Фадду надо стрелять в тех, а не в этих. Каждое мультяшное ружейное баханье исторгало из Бена ручеек басовитого хохотка.

– Ничего, дружище. Просто кое-что нашел.

– Что-то плохое?

– Нет. Хорошее. Очень хорошее.

Хорошим это было по многим причинам. Я все еще подсчитывал все эти причины, когда говорил.

Хорошо потому, что это значило: мне не придется отыскивать невесть где тысячи несуществующих долларов на священные похоронные обычаи. Еще лучше потому, что мне не придется терзаться из-за неверного выбора, думая, устраиваю ли я все так, как хотелось бы маме. И еще одна причина. У меня были сомнения насчет Бена и традиционных похорон. Знаете, с открытым гробом и усопшей, одетой и накрашенной так, чтоб выглядеть «совсем как при жизни». Как бы Бен отнесся к такому? Он ведь все еще ждал ее возвращения. Совершенно очевидно. По ночам меня мучил кошмар, как он поднимает маму из гроба и несет домой, и никто не в силах его остановить.

Ну и окончательная благодать: заупокойная служба с красивым фото и урной с прахом не сильно зависит от времени. Что позволяет сделать ее более зависимой от Бена. Надо будет, можем и месяц подождать. И даже два. Дать ему больше времени привыкнуть.

Подняв взгляд, я увидел, что Бен стоит в дверях гостиной, едва не упираясь головой в верхнюю планку.

– Что ты отыскал?

– Кое-какие планы, составленные мамой.

– Почему хорошо?

– Потому, что они позволяют мне узнать, что ей хотелось, чтобы я сделал.

– О-о. Что?

Ну вот, как мне отвечать на это? Порой правда просто не подходит ко времени.

– Это долгая история.

– Почему ты просто не спросишь ее, когда она вернется?

– Потому... Брат... она уже не вернется.

Бен повернулся и исчез в комнате с телевизором.

Я решил, что исполню долг брата лучше, если не оставлю этого просто так.

Я присоединился к Бену у телевизора, где подобрал пульт и выключил звук у мультика.

– Эй! – воскликнул он. – Я же смотрю!

– А мне нужно поговорить с тобой.

– Все равно оставь, пусть дальше показывает.

– Я не могу думать и говорить с тобой при всем этом шуме.

– Сделай потише.

– Но тогда ты будешь слушать Багз Банни, а не меня.

– Нет. Я буду слушать.

– Обещаешь?

– Ага. Обещаю.

Я вновь включил звук, но сделал его едва слышным. Видел, как Бен подался немного вперед, поближе к телевизору, стараясь расслышать. Но тут мультик кончился, пошла реклама, и я опять выключил звук, а он повернул голову ко мне. Только его взгляд все равно был направлен куда-то на ковер.

– По-моему, ты не совсем понимаешь, что значит, когда кто-то умирает, – начал я.

– Что?

– Это значит, что умерших ты больше не увидишь.

Никакого ответа.

– Как Санди. Помнишь Санди? – спросил я.

– Нет.

– Наша собака. Наша собака-колли. Помнишь?

– Нет.

– О-о. Очень плохо. Я думал, ты, возможно, помнишь Санди.

– А я вот не помню.

– Подожди, я попробую найти фотографию. Вдруг это поможет, – я прыжком вскочил на ноги и поспешил в гостиную, надеясь, что старый альбом с фотографиями лежит там, где хранился всегда. В отделении под столиком рядом с диваном.

Я открыл маленькую дверку с бронзовой ручкой, залез в отделение – там он и оказался. Я сразу его нащупал. Громадный старинный альбом в деревянных обложках с кожаным переплетом. В нашей семье он жил намного дольше меня.

Я услышал, как звук телевизора взлетел до дребезжания: «Сильвестр и Птичка Твити».

Я перебирал одно фото мамы с папой за другим, изо всех сил стараясь не отвлекаться на чувства. Всегда смогу сделать это чуть позже. А в тот момент мне надлежало исполнять важную братскую роль.

И потом – вот она, Санди. Совершенное подобие знаменитой колли Лесси. Прекрасная собака. Сердце болезненно сжалось, когда я смотрел на ее фото. Она жила в доме, когда я родился. Порой мне кажется, что она была первым, кого я увидел, открыв глаза. Порой мне кажется, что я самого себя поначалу ошибочно принимал за щенка. Я любил ее безмерно, безумно. Ее смерть меня опустошила. Мне было, наверно, лет шесть, когда она умерла. И я не понимал. Хотел видеть ее снова и не понимал, почему никто не мог мне помочь.

На фото я был вместе с нею. Мне и двух лет не было. Навалился на собаку, ухватился за шерсть так, что Санди, должно быть, больно было, а она улыбалась. Терпеливая. Гордая. Держась за нее так, я учился ходить.

Я взял альбом с собой.

Я опять убавил звук телевизора почти до нуля.

– Вот это Санди.

Я положил альбом брату на колени.

Бен оторвал глаза от телеэкрана – в первый раз на моей памяти.

Тронул фотографию.

– О-о! – выговорил он. Приглушенно. Благоговейно. – Она хорошая собака! Она славная собака!

Бинго. От крутняка. У меня получилось.

– Видишь? Ты помнишь?

– Нет.

– Тогда откуда же тебе известно, что она хорошая собака?

– Ну. Только взгляни. Только посмотри на нее.

«Славный удар», – подумал я. В следующий раз не стану спешить с поздравлениями самому себе.

– Слушай, Бен. Погоди минуту. Если ты не помнишь ее, то откуда узнал, что она – это она?

Ведь я не называл местоимений, указывающих на пол.

Долгое время Бен не отвечал, потом сказал:

– Это сложный вопрос.

Он закрыл древний фотоальбом, бросил на ковер, и его взгляд возвратился к телевизору.

Я вздохнул.

– Давай попробуем подойти к этому по-другому. Может быть, вместо ожидания увидеть маму по-старому, как тебе привычно, ты можешь открыться чему-то новому.

Я был практически уверен, что он меня не слушает. Пока он не сказал:

– Чего?

– Может, ты ее больше и не увидишь. Но будешь способен чувствовать ее здесь.

– Почему бы мне не видеть ее? – в голосе Бена звучало волнение. И неожиданно – тревога.

– Я просто хотел сказать, может, ты будешь чувствовать, как она смотрит через твое плечо. Ты понимаешь. По-прежнему рядом с тобой.

– Но почему я не смогу ее увидеть?

Бен нехотя поднялся на ноги и принялся расхаживать тем особым образом, каким расхаживал только один Бен. Я про такое совсем забыл.

Курс переподготовки занял немного времени.

Мой брат Бен двигался не по прямой. Это был и не круг, хотя результат был похожим. Бен расхаживал бесконечными квадратами. Шаг левой ногой, шаг правой, резко на девяносто градусов налево – и все сначала. По периметру какой-то нелепой коробки, созданной его собственным воображением. Все, что ему оставалось, это не допустить поворота за пределы квадрата. Однако такого он никогда не делал. Пока ему не становилось до чертиков хорошо, и он не был готов закончить.

– Почему мне ее не видеть? – выл он.

– Бен, я...

– Скажи ты мне, почему я не смогу ее видеть, братишка. Почему мне ее не видеть?

И это стало второй быстрой переменной. После расхаживания по квадрату – заезженная пластинка. Стоит Бену сорваться настолько, чтобы повторять один и тот же волнующий вопрос более двух-трех раз, как у него, похоже, заклинивало коробку передач. Переключать скорости на какое-то время оказывалось невозможным.

Мне предстояла долгая ночь.

«Блестяще, Рассел, – подумал я. – Ты наверняка шикарно с этим справишься».

Не совсем ясно представляя себе, как такие ситуации разрешались прежде (каждый этап я вспоминал по ходу дела), я вскочил и попытался остановить Бена. Встал напротив брата так, чтобы ему пришлось прекратить свое маниакальное расхаживание по квадрату, иначе пришлось бы сбивать меня с ног, словно кеглю.

Потом я оказался на ковре и, глядя в потолок, гадал, насколько сильно я потянул мышцу, больно пульсирующую в спине.

Он не ударил. Даже не столкнул меня с пути. Он просто не остановился.

– Брат, – сказал я, умеряя его панику. – Остановись.

– Но почему я не смогу ее видеть?

Я выбежал из телевизионной в гостиную, где постарался хорошенько отдышаться. Все равно мне было слышно, как он повторял тот же самый вопрос. Раз за разом. И еще раз. И еще раз.

Что же мы с мамой делали когда-то?

Н-да. Ответ я знал. Мы не делали. Она делала.

Потом меня пронзила странная мысль. Вот, я уговариваю Бена открыться чувству того, что мама с ним. А готов ли я сам испробовать лекарство, которое предписываю другому?

– Хорошо, мам, – сказал я. – Что ты делала?

Отметьте тот факт, что я на сто процентов настроил мозг на этот вопрос. Потому что я ничего не забываю. Стало быть, если я этого не знал, то только оттого, что еще не пробовал вспомнить.

– Печенье, – выговорил я вслух.

Когда Бена заклинивало, наша мама пекла печенье. И вспышка гнева у Бена длилась примерно столько, сколько времени занимало у нее испечь его и дать выпечке немного остыть. А потом она приносила Бену печенье и говорила: «Смотри, милый. Печеньки». И к тому времени он уже уставал, находившись, и если удавалось его отвлечь, то замкнутый круг прерывался. И печенье всегда хватало для отвлечения.

Была одна загвоздка. Я не знал, как готовить печенье.

– Что скажешь, мам? – спросил я.

И тогда еще кое-что пришло на память. Когда мы были маленькими, мама делала печенье с нуля. Но позже, когда у нее хватало забот из-за ухода за Беном, она отказалась от того, чтобы месить тесто самой. И вместо этого перешла на готовое, которое продается в супермаркете, такие сырые колбаски из теста. Поскольку в любом случае разницу Бен различать перестал.

Я помчался на кухню. Даже с кухни я слышал его.

– Скажи же мне, братишка! Скажи, почему мне ее не увидеть!

Я поискал в морозилке, но никакого теста для печенья не нашел. Так уж везло мне в те дни. Но потом я подумал, а может, его и не надо замораживать. Может быть, его держат просто в холодильнике. Открыл его, старательно отводя взгляд от открыток на дверце.

Там оно и лежало. Само собой, пришлось поднять две кастрюльки, чтобы увидеть. Но я его нашел. Две трети колбаски из теста для печенья с шоколадной крошкой в пластиковом пакете для бутербродов на молнии.

Мое везение, похоже, пошло на поправку.

Я приготовился следовать указаниям на этикетке. Только это оказалось нелегко: начальные пары слов каждого предложения были срезаны для предыдущих порций. Зато я узнал температуру духовки. Триста пятьдесят градусов. Еще я сообразил, что тесто надо нарезать кружками толщиной в один дюйм, а кружки разделить на четвертинки. А потом выпекать их в течение... эта часть была отрезана. Удалось рассмотреть одну только двойку. Значит, двух минут? Двенадцати? Двадцати двух?

Я напомнил себе, что не надо поддаваться панике и спешить. В конце концов Бен свой гнев подгонять не собирается. Дело заключалось в том, чтобы правильно выбрать время. В том, чтобы достичь своей цели.

«Дать остыть на решетке».

Я порылся во всем, что походило на шкафчики для посуды, но решетки не нашел. Придется печенкам остывать на чем-то другом.

Отрезав восемь кружков, я уселся за кухонный стол, обхватил голову руками и сидел так, пока они пеклись. Я нарочно не возвращался в комнату, где расхаживал Бен. Не мог. Не мог я снять его с крючка раздраженности. Я следил за ним, слушал его, и из-за этого появилось чувство, будто я разваливаюсь точно так же, как и он.

Немного погодя я зажал уши ладонями. Крепко. Спустя минут пятнадцать я, пользуясь лопаточкой, перенес восемь печенок на желтую пластиковую тарелочку, замечая, что голос Бена сделался хриплым и тихим. По сути, уже не было слышно, что он бормотал.

Но я все равно знал.

Я стоял у открытой двери телегостиной с печенками в руке. По-моему, Бен уловил их запах. Я видел, как он сбился с шага.

– Смотри, дружище. Я сделал тебе печенье.

Он остановился.

О, мой бог. Он встал.

Трудно описать охватившее меня облегчение.

Бен плакал. Глаза у него покраснели, лицо пошло полосами от слез. И из носа текло. Не преувеличиваю: текло. Не по капелькам. Ведами.

Я пошел за коробкой салфеток в мамину спальню, и, когда вернулся, он уже сидел в мягком кресле, уплетая печенье.

Я сунул ему пять или шесть салфеток, но он просто зажал их в одной руке и продолжал есть. Так что я забрал салфетки обратно и высморкал ему нос.

Это была минута слабости в наших отношениях.

Я выбросил салфетки и просто сидел, глядя на него.

– Можно и мне печенье попробовать? – спросил я.

– Ага.

А потом, после долгой паузы, он протянул тарелку в мою сторону. Увы, я мог думать только о текущем кране у него в носу.

– Ладно, не стоит, – сказал я. – Это все тебе.

– Мамины лучше.

Вот чего я удостоился за попытку быть славным малым. То есть если такая попытка у меня была.

– И те и другие в точности из одного и того же теста.

– Только ее выпечены правильно. А эти подгорели. Вот, смотри, – он показал мне обратную сторону печенья. Он был прав. Оно все почернело с одного края.

– Извини. Старался, как мог. Но пекарь из меня никудышный, – странно, но, сказав это, я подумал о девушке, которая была отменным пекарем. Пусть я и виделся с нею один только раз.

– Все нормально. Я просто отдам подгоревшую часть...

Я ждал, когда он закончит предложение. Но он так и оставил. Зато его рука последовала туда, куда повела ее мысль. Он отломил подгоревший кусок печенья и опустил его к полу. Примерно на высоту собаки.

Значит, он помнил. Пусть даже он и не осознавал, что помнит. Или, может, я навел его на мысли о собаках, показав ему фотографию.

Только... нет. Можно думать о собаках все, что угодно, но, если у тебя самого собаки никогда не было, ты не станешь машинально давать им свои лишь едва-едва пригодные для еды объедки. Это не инстинкт. Это привычка.

– Кому? – спросил я.

– Что кому? – Бен словно бы полностью забыл о своем намерении.

Он положил подгоревший краешек печенья на самый край тарелки.

– Кому ты собирался это отдать?

На некоторое время Бен задумался.

– Это сложный вопрос, – сказал он.

Он поднял взгляд на телеэкран. Программа мультиков закончилась. Я глянул на часы. Было уже семь минут девятого. Вот и верь после этого уверениям Патти Джесперс: «Ни минутой раньше. Ни минутой позже».

Я видел, как у него широко раскрылись глаза.

– Сколько времени? – нервно спросил он.

– Восемь часов и семь минут.

Бен бросил тарелку на пол. Печенья раскатились во все стороны.

– Мне давно пора спать.

– Всего-то несколько минут.

– Но я ложусь в постель в восемь.

– Да всего...

– Еще зубы надо почистить. Завтра утром ехать на работу. Мне нельзя быть усталым.

Мистеру Маккаскиллу не понравится, если я буду усталый.

Он заторопился (насколько можно было, в представлении Бена, торопиться) уйти, пока я отыскивал закатившиеся под мебель печенья.

Я нагнулся над одним кусочком, когда он обратился ко мне:

– Ты должен прийти и уложить меня спать.

– Конечно, – произнес я. Вслух. Но не для него. Не так громко, чтобы он слышал. – Ну, конечно, я должен идти и укладывать его спать.

Еще я должен был поцеловать его в висок, как раз у линии волос. Так, как делала мама. Он заботливо показал мне, чтобы я попал в правильное место.

– Спокойной ночи, дружище, – сказал я.

– Слышишь, братишка. Хочешь, я тебе скажу... что-то?

– Обязательно. Что?

– Почему мне ее больше не увидеть?

Я постарался удержаться от вздоха. Только вздох все-таки вырвался сам собой.

– Спи, брат. Увидимся утром.

Я погасил свет. Однако самый яркий в мире ночник, должно быть, светил постоянно. Днями и ночами. Потому как темнее в комнате Бена не стало.

16 сентября 2001 года

На следующее утро в шесть сорок я проезжал мимо «Выпечки от Назира». Остановился у входа.

Сегодня улица и сам городок казались еще более пустынными, чем прошлым утром. Опять же – было воскресенье. Хоть какое-то объяснение.

До меня дошло, что в воскресенье пекарня, возможно, закрыта. Куча заведений не первой необходимости закрывались на выходной в этом христианском городке. И, возможно, свет в кухонном окне походил на ночное сияние Бена. Некая константа.

Но потом я увидел, как в окне мелькнула ее головка: она шла к печи.

Я перевел рычаг старенького маминого «Бьюика» в положение «стоянка» и выключил двигатель.

Тогда я и заметил проблему с витриной пекарни. Кто-то кинул в слово «НАЗИРА» два сырых яйца, желтки которых непотребно стекали по стеклу до самого кирпича.

Промелькнула мысль, знает ли уже она.

Я подошел к входной двери. Появилась ее голова, и она жестом показала мне: идите вокруг. Я сделал, как велели, дошел до крохотной парковки пекарни и увидел служебный вход на кухню. Дверь была открыта.

Увидев, что я вошел, она улыбнулась. Это было приятно.

Казалось, давненько уже мне никто не улыбался.

– Вот, – произнесла она. – Вы снова пришли, брат Бена.

Я так устал, настолько впал в уныние, что едва ли не с готовностью принял свое новое имя. И никак на это не ответил.

– По воскресеньям мы раньше восьми не открываемся. Вот я еще даже пончики не нарезала. Но вы входите, поговорите со мной. Много времени это не займет. А кофе уже готов. Не обижайтесь, но выглядите вы очень плохо. Хуже, чем вчера. А я надеялась, что вам станет немножко лучше.

– Намучился ночью с Беном. У вас есть ведро? Что-нибудь, куда бы я набрал воды? И еще жесткая щетка или большая губка?

Она бросила на меня странный взгляд – ни понять, ни разобрать.

– Ваша мама ничего такого в доме не держала?

– Это не для меня. Для вас. Для вашей витрины. Кто-то в нее швырнул яйца.

Ее улыбка пропала. Я слышал, как она пробормотала что-то вполголоса, но ничего не разобрал. Не уверен, что сказано было по-английски.

– Прямо в имя моего отца?

«Вот, значит, кто такой Назир», – подумал я. Другая половинка ее «мы». Я, по-видимому, не очень спешил с ответом. А потому она продолжила:

– Вот, может, пончики через несколько минут и не поспеют. Придется мне сначала заняться другим делом.

– Да нет, все путем, – сказал я. – Вы делайте пончики. А я примусь за витрину. Мне только нужно ведро и что-нибудь, чем скрести.

Она довольно долго смотрела мне прямо в лицо.

– Вы уверены?

– Полностью.

Она исчезла в кладовке и вышла оттуда с алюминиевым ведром. Я смотрел, как она налила в него горячей воды из большого производственного двойного ручной мойки. Добавила струйку жидкости для мытья посуды. Из ведра шел пар, когда она вручала его мне. Я подумал, что про щетку она забыла, но, заглянув в ведро, увидел конец ручки, торчавший из пенящейся воды.

– Не знаю, зачем вы делаете это, – сказала она. – Но это приятно. Спасибо вам.

– Не знаю, зачем вы одарили меня кофе и пончиками вчера. Но люди, случается, делают приятное друг другу. Не все козлы. Думаю, я приношу вам извинения за того, кто швырнул яйца. От имени всех граждан моей страны.

Она слегка рассмеялась. Было приятно видеть, как понемногу к ней возвращается легкость.

– Вина-то не ваша, – заметила она. – Вы не сделали ничего дурного.

– Точно. Попадись мне этот сукин сын, именно это я и скажу ему про вас.

Теперь на ее лицо, похоже, вернулась так присущая ему мягкая улыбка. И я подумал: «До чего же невелика цена за это».

– С той стороны здания, в переулке между нами и банком, есть шланг. Он очень длинный. Мы им пользуемся, чтобы мыть у входа.

– Прекрасно. Я мигом обернусь.

Я вышел в прохладное утро, радуясь простому, вполне понятному заданию. Когда-то этот утренний час мой отец называл гражданским сумраком – первые несколько минут, когда становится различима рука, поднесенная к лицу. Плюс этому помогал и уличный фонарь на углу. И все же для всего мира это выглядело как декорация для кино. Я не был уверен, что находился в реальном месте.

Я поднес ведро к витрине и, стараясь не думать, кто и почему швырнул в нее сырые яйца, соскреб их со стекла. Произошло это недавно, засохнуть они не успели, так что на мытье не ушло много времени. Я вслушивался в то, как сердито шуршала щетина щетки по шероховатому кирпичу под витриной, и эти звуки успокаивали меня по причине, которую мне никак не удавалось уловить. Я чувствовал, как щемила мышца на спине, которую я ушиб накануне вечером. Только было все нормально. Не слишком ужасно. Я дотянул шланг из переулка и струей смахнул пену, пользуясь силой воды, смыл и яичную скорлупу с тротуара в водосток. Вернул шланг на место, предварительно отключив его и выпустив воду, остававшуюся внутри. Потому что... Не знаю, почему. Просто был приучен так делать. Вылив мыльную воду из ведра в водосток, я пошел обратно в пекарню.

Девушка подняла взгляд и улыбнулась мне. Она только-только замесила на столе громадную гору теста, которому предстояло вскоре стать моим утренним пончиком. Я застыл на какое-то время в дверях, наблюдая, как она раскатывает тесто тяжелой деревянной скалкой, совершая движения, пожалуй, чересчур быстрые для моих глаз, чтобы можно было за ними уследить.

– Можете пока просто оставить ведро под раковиной. И помойте руки в том умывальнике или пройдите в ванную. Спасибо вам.

– А-а, пустяки.

Только это не было пустяком.

Когда я вернулся с вымытыми руками, она кивком головы указала на высокое сиденье, куда я и уселся.

И стал смотреть, как она нарезает пончики.

В правой руке она держала металлический резак для печенья (ну, в форме пончика) и двигалась вдоль пласта теста с дикой скоростью, оставляя в нем прорезы в форме классических пончиков и уже с дырками по центру. Левая рука двигалась следом, собирая колечки, оставляя сердцевинки на столе и бросая идеальные круги в проволочную корзину.

– Хотите поговорить об этом? – спросила она.

– О чем? – спросил я, думая, что становлюсь похож на своего брата. Я только и мог вообразить, что она имеет в виду яйца на витрине, а тут много обсуждать и не требовалось. Я, во всяком случае, к этому не стремился.

– Вы сказали, что намучились ночью с Беном.

– А-а. Было дело. Н-да. Не столько ночью. Скорее вечером. Потом он ушел спать в восемь часов, все это забыв, а я сам устал так, что не спал до половины четвертого, а потом в двадцать минут седьмого Бен поднял меня с постели, чтобы я отвез его на работу. Вот потому-то у меня и усталый вид. То есть больше обычного.

– Выпейте кофе.

– Отличная мысль!

И я пошел и налил себе чашку.

– Вот, – сказала она, когда я вернулся с кофе и сел. – Хотите об этом поговорить?

Я засмеялся. На душе было хорошо. Уж и не помню, когда такое случалось в последний раз.

– Вроде только что поговорил.

– Что ж, прекрасно. Если это все, что вы хотите сказать, тогда прекрасно. Вам решать.

Подув на кофе, я сделал несколько глоточков. Больше никакой другой кофе пить не стану. Если же все-таки придется такое делать, то никакой другой не будет так хорош.

– Он не понимает... про мою маму. Нашу маму. Он словно буквально не понимает, что означает смерть. Нет, я вовсе не виню его. Просто хочу сказать, Бен способен осознать только то, что доступно его пониманию. Поэтому он до сих пор думает, что мама вернется, отчего у меня разрывается сердце. Вот я и пытался найти подходящий способ помочь ему с этим. Я просто сказал, что, может, даже если он не сможет больше видеть ее, он все равно будет чувствовать ее. Чувствовать, что она рядом. И это оказалось ошибкой. Началась истерика. На... ладно, не хочу преувеличивать и утверждать, что на часы. Минут на двадцать пять, может быть. Только... позвольте признаться, что по ощущениям будто не один час и не два.

Она опустила сетку с пончиками в горячее масло, и шипение и жар заставили меня вздрогнуть. Она глянула через плечо.

– Если случилась истерика, значит, он понимает.

– В каком-то смысле. Да.

– А вы? А вы чувствуете, что ваша мама все еще с вами?

– Вчера вечером почувствовал.

– Хорошо.

Долгое молчание. Достаточно долгое, чтобы достать пончики из кипящего масла, и теперь я смотрел, как их глазировали большой разливной ложкой прямо на подставке, а излишки глазури стекали обратно в металлическую емкость.

Девушка подала мне пончик на бумажной тарелочке.

– Осторожно, – предупредила она, – горячий. – Потом, как раз когда я меньше всего ожидал, спросила: – Вы собираетесь определить его в какое-нибудь специализированное место?

– О, нет, – выпалил я, даже не успев подумать. – Такого моей маме я бы сделать не смог. Я причинил ей достаточно боли для одной жизни.

Она склонила головку набок, но ни о чем не стала спрашивать.

Мне же не хотелось распространяться, но было слишком поздно. Я уже дал маху. Теперь придется продолжать. Иначе то, что она себе вообразит, будет еще хуже.

– Просто... Мне следовало остаться и помогать заботиться о нем. Я знаю, что должен был так сделать. Всегда знал. Но – не остался. Только стукнуло восемнадцать, и я убежал. И все эти годы чувствовал себя дерьмово. И, очевидно, это чувство снова преследует меня. Как карма, только на протяжении одной и той же жизни. Однако... определить Бена в какой-то дом...

– Я рада, – сказала она. – По-моему, он был бы несчастлив.

– Он бы тосковал. И мама. Она перевернулась бы в могиле.

И, едва последнее слово слетело с губ, я сломался.

Заплакал.

Вот, такие дела.

Пять или шесть дней – ничего. Ну, слегка вспотел, немного там подрожал, тут слегка вскрикнул, но – без слез. Зато, когда сказал то, о чем долго молчал, вот тебе на. Моя мама в могиле. Образно говоря. Отрицание этого дало трещину, как лед на реке в первую оттепель. Теперь уже не остановить, раз лед уже пошел трещинами. Они разбегаются. Разрастаются. Вся эта стена льда просто... ну, всем известно, что с ней делается. Она рушится... Можно возводить преграды сколько душе угодно. Но они рухнут.

Не будет преувеличением, если назвать для себя это «моментом, когда я осознал, что моя мама умерла». Я подумал: «Стбит с большим пониманием относиться к Бену. Он воспринимает это на уровне чувств, но не может понять это разумом. Ты же поступал почти точно так же, только наоборот».

Она подошла ко мне близко, но не стала притрагиваться.

– Бедный Расти, – произнесла она.

Это настолько поразило меня, что я почти перестал плакать.

– Кто вам сказал, что меня зовут Расти?

– Разве нет? Я вчера была на рынке и видела Бена. И сказала: «Бен, я встретила твоего брата». Только я ведь не сообразила узнать ваше имя. Вот и спросила: «Бен, а как зовут твоего брата?» И он сказал: «Расти».

– Детское прозвище. Теперь меня называют Расселом. Бену трудно переключаться.

– Что ж, мне переключиться не трудно. Бедный Рассел.

И она протянула мне два бумажных полотенца. Подумал, неужели у меня течет из носа? Я ничего такого не чувствовал.

– Лучше у меня ничего нет, – сказала она.

Я взял у нее полотенца. И посмотрел ей в лицо. И запал на нее.

Да. Прямо вот так.

Не могу сказать: влюбился – потому что не совсем верю в это. По-моему, необходимо узнать человека лучше, чтобы заслужить право на эту фразу. Только я запал. Вот и все, что могу сказать. Как провалился во... что-то. И сильно ударился, словно меня сбила машина. Почти так же больно. Но главное, так же внезапно: без начала, середины и конца. Мы больше задумываемся над тем, что произошло, нежели действие происходило само по себе. Нужны лишь доли секунды, чтобы что-то случилось, и требуется гораздо большее время для понимания, что с тобой произошло.

– Ну вот, теперь вы смотрите на меня как-то непонятно, – сказала она.

– Разве? Извините.

Я отвел взгляд в сторону.

Только минутой спустя, когда она вернулась к пончикам, я опять посмотрел на нее. С той минуты больше ничего делать не хотелось.

Имелись только две проблемы.

Первая: ответит ли она вообще на мои чувства. И другая: если когда-нибудь ответит, то каким образом не давать Бену сидеть каждый вечер между нами на диване.

Я откусил большой кусок своего глазированного пончика.

Три задачи. Если все получится, то я очень растолстею.

Интересно, верно? Неожиданно в голове все прояснилось. Полегчало. Настроение поднялось.

Когда я въехал на подъездную дорожку, Марк Джесперс стоял перед домом своих родителей и поливал газон из шланга.

Я махнул рукой, и он помахал в ответ, а потом побежал и отключил шланг, и мое сердце ушло в пятки. Я никогда не был рьяным поклонником Марка. И самым серьезным образом намеревался прилечь вздремнуть. Помечтать.

О девушках-пекарях, может быть.

Марк догнал меня у самого крыльца.

– Ужасно выглядишь, – сказал он.

– Просто мне нужно поспать.

А он изменился. Буквально. Физически. Раздался. Явно взялся качать тело. Шорты и футболка-безрукавка выставляли напоказ все мышцы, а он, очевидно, гордился, что ему есть что показать. Я подумал, не употребляет ли он стероиды. Очень вероятно.

– Слушай, – сказал он, переходя в разговоре на совершенно иной курс. – Мы сегодня вечером собираемся проводить Ларри, Винса и Пола. Им остался всего день.

В голову влезла непочтительная мысль: «Ну да, поглазеть, как их вышколили в Национальной гвардии и как они вольются в ряды войск, направляемых в Афганистан. Вполне возможно, что в последний раз». Постарался избавиться от этой мысли. Не хотел так думать, особенно о Ларри. Ларри мне нравился. По крайней мере больше, чем Марк. И знал я его лучше, чем Винса и Пола.

– Ну да, Ларри рассказал, что они отчаливают.

– Мы вечером собираемся встретиться, всем табором. Напьемся. Парней проводим. Идем с нами. Ты должен пойти.

Я постоял с минуту, глядя на него. Но не прямо в глаза. Это мне всегда давалось с трудом. Смотрел на его шею. Надеялся, что до него все-таки дойдет. Со временем. Чтобы не пришлось ничего говорить. Не вышло.

– Ты же знаешь, я не пью, – сказал я.

– Уууууууу, – протянул он. И это «ууу», казалось, никогда не кончится. – Лаааааадно. Я совсем забыл. Черт. Что ж, все равно пойдем с нами. Просто пойдем с нами. Чпокнешь.

Чпок. Точно. На Среднем Западе не говорят шипучка или содовая. Тут говорят чпок.

– Не думаю, что у меня получится. Но – спасибо.

Я повернулся, чтобы уйти в дом.

– Да-а, я не удивлен. Помню. – Я повернулся обратно, вздохнув. Я не задавал никаких вопросов. Просто ждал. Ясно, что это вырвется само собой. – Ты всегда высоко летал, аж досюда, – говорил он, подняв одну руку над головой. – А мы всегда внизу ходили, аж посюда, – и он опустил другую руку ниже пояса.

– По-моему, ты неверно помнишь.

– Да я вижу. Прямо сейчас.

– Просто я не хочу мешаться во всю эту пьянку. Ты бы то же самое чувствовал, если бы с тобой такое случилось. Я пойду и постараюсь поспать. И, может, попозже пойду навещу Ларри. Он все еще со своими живет?

– А-а, черта с два. Он женился, у него дети.

– Где он живет?

– Глянь в телефонной книге, – сказал Марк, поворачиваясь ко мне спиной.

Потом потопал обратно по газону. Как раз когда входил в дом, я услышал, как из шланга вновь с шипением вырвалась вода.

Я долго просидел в горячей ванне, потом вернулся в мамину спальню. Затем, уже закрывая глаза, увидел свой мобильник. Он лежал на тумбочке у кровати.

С собой я его не брал. Не включал и не проверял сообщения.

«Нет. Нет. Я буду спать».

Но уже не мог не думать об этом. Вздохнул и потянулся к телефону проверять голосовую почту.

Два новых сообщения. Могло быть и хуже.

Первое – от Керри:

«Не пытаюсь убедить тебя передумать. Я уяснила. Я понимаю, понимаю, я понимаю. Но мы же все равно можем поговорить, верно? То есть... мы можем? Не могу уснуть, даром что в последнее время всегда плохо спится, и я знаю, что и тебе не спится, где бы ты ни был, должно не спать, вот я и подумала, что мы можем поговорить. Так что, если можем, позвони мне, – настало молчание где-то сразу после слова «можем». Легкая заминка для успокоения чувств. – А если нет, что ж... я понимаю». Щелк.

Второе было от Стэна Харбо:

«Я пропал, Рассел, я пропал. Подумать не могу, к кому обратиться. Люди, которые все знали, мертвы, а те, кто не мертвы, знать не знают. Вот и позвонил тебе... А тебя нет. Ладно.

Тебя нет. Позвони мне. Если сможешь. Или я тебе перезвоню. Или, может, так и надо. Я не знаю. Извини, что позвонил. Нет. Не извиняй. Позвони мне. Хорошо?»

Я дал отбой. Снова выключил питание телефона.

Я им позвоню. Но не сейчас. Позже. Когда смогу. Забавно, но они оба, похоже, считают, что у меня есть то, что им нужно. Смешно, но люди почему-то так думают. Словно пропали они, но должны найти тебя. Все смотрят на тебя и решают, что ты выносливее, сильнее. Только потому, что им не видно изнутри.

Если я когда-нибудь найду в себе силы (или я хотя бы просто отдохну получше), то позвоню им.

Пока же я был решительно настроен уснуть. И уснул.

Ларри обитал в одной из тех жилых построек пятидесятих годов, которые нынче превратились в дешевые двухэтажные квартиры. За Хардвуд-корт, в южной части города. На другой стороне. Точно. Через весь город на противоположном конце. Мне понадобилось почти четыре минуты, чтобы доехать туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.